

ПАТРИЦИЯ ХАЙСМИТ

ТЕ, КТО УХОДЯТ

Невозможно передать ту напряженную атмосферу,
которая обусловлена странностями характеров
двух главных персонажей...

Shiny New Books

ИЗДАТЕЛЬСТВО «АЗБУКА»

Annotation

Трагическая и необъяснимая гибель жены раскалывает надвое жизнь Рея Гаррета. Казалось бы, молодых супругов, увлеченных карьерой в мире искусства, ждало безоблачное будущее, однако вскоре после свадьбы юную жену находят в ванне со вскрытыми венами. Версия самоубийства не устраивает отца девушки, и, встретившись в Венеции с бывшим зятем, он открывает на него настоящую охоту. На пустынных ноябрьских набережных, где слышен только плеск свинцовых волн, одержимый ненавистью преследователь подстерегает свою жертву. Однако после двух неудачных покушений они странным образом меняются ролями...

Патриция Хайсмит

Те, кто уходят

* * *

– У нее нет ни братьев, ни сестер, – говорил Коулман. – Полагаю, это немного упрощает ситуацию.

Рей шел, опустив непокрытую голову и засунув руки в карманы пальто. Его трясло. Ночной воздух Рима в преддверии зимы пробирал до костей. По мнению Рея, то, что у Пегги не было ни братьев, ни сестер, ситуацию никак не упрощало. Во всяком случае, это определенно не упрощало ситуацию для Коулмана. На улице, по которой они шли, было темно. Рей поднял голову, чтобы посмотреть на уличный указатель, но ни одного не увидел.

– Вы знаете, куда мы идем? – спросил он у Коулмана.

– Там дальше будет такси, – ответил тот, указывая вперед.

Мостовая шла под уклон. Звук их шагов стал чуть звонче, потому что подошвы слегка проскальзывали. *Хрусть-хрусть-хрусть-хрусть*. На два шага Коулмана Рей не делал и одного. Коулман был низкорослый и шел быстро, порывисто и в то же время враскачку. Время от времени облачко от сигары, которую Коулман держал между зубами, касалось ноздрей Рея, горьковатое и черное. Рей подумал, что ресторан, выбранный Коулманом, не стоил того, чтобы тащиться в него через весь Рим. Он встретился с Коулманом, как они и договаривались, в восемь часов в ресторане «Кафе Греко». По словам Коулмана, он должен был увидеться там с одним человеком – как его звали? – но тот не пришел. В ресторане Коулман ни разу не упомянул о том человеке, и Рей теперь сомневался в его существовании. Коулман был странным типом. Возможно, он обедал или завтракал там несколько раз с Пегги и у него остались ностальгические воспоминания об этом месте. Во время обеда Коулман говорил главным образом о Пегги, причем без того негодования, как на Мальорке, даже чуть-чуть похихатывал. Но та мрачность, тот вопрос в его глазах оставались. И Рей ничего не добился, пытаясь с ним объяснить. Для Рея этот вечер просто стал одним из череды других. Сегодняшний вечер был таким же, как и остальные десять вечеров на Мальорке после смерти Пегги, – бесцветные, как бы отделенные от остального мира, когда еда поглощалась полностью или наполовину лишь потому, что ее ставили на стол.

– Ты дальше едешь в Нью-Йорк, – сказал Коулман.

– Сначала в Париж.

– А здесь какие-то дела?

– Ну да. Но за два дня я вполне управлюсь.

Рей собирался встретиться в Риме кое с кем из художников, узнать, не хотят ли они выставляться в его нью-йоркской галерее. Галереи еще не существовало. Сегодня он никому не позвонил, хотя и появился в Риме в полдень. Он вздохнул и понял, что у него нет настроения встречаться с художниками и убеждать их, какой успешной станет галерея Гаррета.

«Виале Пола», – прочел Рей на уличном знаке. Впереди виднелась более широкая улица. Наверное, Номентана.

Рей смутно осознал, что Коулман зачем-то полез в карман. Потом Коулман вдруг остановился перед ним, и раздался звук выстрела, от которого Рея отбросило назад, на ограду, в ушах у него зазвенело, и несколько секунд он даже не слышал стука подошв убегающего Коулмана по мостовой. Коулман уже скрылся из виду, а Рей еще не успел понять, отбросила ли его назад пуля, или он отпрянул от удивления.

– Che cosa?^[1] – прокричал мужской голос из окна.

Рей судорожно вдохнул, вдруг поняв, что задерживал дыхание, оттолкнулся от ограды и встал на ноги.

– Niente^[2], – машинально ответил он.

Потом глубоко вздохнул; нигде не болело, и Рей решил, что пуля прошла мимо. Он двинулся в том же направлении, что и Коулман, – в ту сторону, куда они шли.

– Вот он!

– Что случилось?

Рей вышел на Номентану, и голоса затихли.

Ему повезло. Слева тут же появилось такси. Рей поднял руку.

– «Альберго Медитерранео», – сказал он и откинулся на спинку сиденья.

Левое плечо жгло. Рей поднял руку. Пуля явно не задела кость. Он потрогал рукав пальто и нащупал дыру в ткани. Продолжил щупать дальше и обнаружил с другой стороны рукава выходное отверстие. И ощутил теплую влагу, скапливающуюся в сгибе локтя.

В «Медитерранео» – современном отеле, стиль которого не нравился Рею, но ему пришлось остановиться там, так как его любимые отели сегодня были переполнены, – он взял ключ и сел в кабину лифта вместе с коридорным, держа левую руку в кармане, чтобы кровь не капала на ковер. Закрывшись у себя в номере, он облегченно вздохнул, хотя и поймал себя на том, что, включив свет, принялся оглядывать углы, словно Коулман мог прятаться в одном из них.

Рей прошел в ванную, снял пальто, швырнул его через дверь на кровать, стащил с себя пиджак и обнаружил кровь на рукаве рубашки в бело-голубую полосу. Снял и рубашку.

Рана представляла собой крохотную полосу не более полудюйма в длину – классическая царапина. Рей намочил чистое полотенце и промыл ранку. Затем вытащил из чемодана лейкопластырь, вспомнив, что этот широкий лейкопластырь был единственным оставшимся в жестяной коробке, когда он на Мальорке разгребал аптечку. Помогая себе зубами, он обвязал ранку носовым платком. Рубашку замочил в раковине с холодной водой.

Пять минут спустя, облачившись в пижаму, он заказал себе двойной «Дьюарс»^[3] в номер и дал хорошие чаевые юному коридорному. Выключив свет, он со стаканом подошел к окну. Номер у него был на одном из верхних этажей, и Рим отсюда казался широким и низким, если не считать мощного купола собора Святого Петра вдалеке и башен Санта-Тринита на вершине Испанской лестницы. Рей подумал, что Коулман, вероятно, считает его мертвым – уж больно резко он упал на ограду. Коулман даже не оглянулся. На лице Рея мелькнула улыбка, хотя он хмурился. Откуда у Коулмана появился пистолет? И когда?

Завтра Коулман улетал дневным рейсом в Венецию. И как он сам сказал сегодня, с ним будут Инес и Антонио. Коулман объяснил, что нуждается в перемене обстановки, хочет увидеть что-нибудь красивое и лучше Венеции ему ничего не пришло в голову. Интересно, позвонит ли Коулман завтра утром в отель узнать, вернулся ли Рей? Если портье скажет: «Да, мистер Гаррет у себя в номере», повесит ли Коулман трубку? А если Коулман считает, что убил его, то какие слова он скажет Инес? «Я оставил Рея поблизости от Номентаны. Мы сели в разные такси. Не знаю, кто это мог сделать». Или же Коулман скажет, будто пошел обедать не с ним, а с кем-то другим? Избавился ли он от пистолета сразу же, бросив его с моста в Тибр?

Рей сделал большой глоток виски. Коулман не станет звонить в отель. Он даже и в голову это не будет брать. Если же попытаться припереть его к стене, то он начнет врать. И

врать убедительно.

И конечно, Коулман узнает, что Рей жив, поскольку в газетах не напишут о его смерти или серьезном ранении. А если Рей улетит в Париж или Нью-Йорк, то Коулман решит, что он удрал, трусливо убежал от него, вместо того чтобы попытаться объясниться, разобраться, проанализировать. Рей понял, что ему придется полететь в Венецию. А там будут новые разговоры.

Виски помог. Рей вдруг почувствовал, что расслабился, и на него накатила усталость. Он посмотрел на свой большой раскрытый чемодан. На Мальорке он все тщательно сложил, не забыв заправки, блокнот, автоматическое чертежное перо, адресную книгу. Остальные свои вещи – два чемодана и несколько коробок – он переправил в Париж. Почему в Париж, а не в Нью-Йорк, он и сам толком не знал, ведь в Париже ему придется переправить их в Нью-Йорк. Решение не самое хорошее, но с учетом напряженной ситуации, в которой он собирал вещи на Мальорке, он и сам поражался, насколько дельно сработал. Коулман прилетел из Рима за день до похорон, а потом остался еще на три дня. И все эти дни Рей упаковывал свои вещи и вещи Пегги, оплачивал счета, писал письма, расторгал договор аренды с домохозяином, находившимся в Мадриде, так что улаживать дело пришлось по телефону. А Коулман бродил по дому, ошеломленный, молчаливый; однако Рей видел, что тонкие губы тестя сжимаются все сильнее по мере того, как его ненависть к Рею растет. Один раз, как припомнилось вдруг Рею, он зашел в гостиную спросить кое о чем у Коулмана (он спал на диване в гостиной, отказавшись от предложенной ему гостевой комнаты) и увидел, что он держит обеими руками керамическую лампу в форме большой бутылочной тыквы. И Рею на мгновение показалось, что Коулман вот-вот швырнет в него этой лампой, но он поставил ее. Рей спросил Коулмана, не хочет ли тот съездить вместе с ним в Пальму-де-Мальорку за сорок километров отсюда, – Рей хотел посмотреть, как там дела с отправкой его вещей. На следующий день Коулман сел на самолет в Пальме и улетел назад в Рим к своей нынешней любовнице – Инес. Рей не был с ней знаком. Она дважды звонила Коулману, пока тот был на Мальорке. Его вызывали на почту, так как в доме телефона не было. У Коулмана всегда были женщины, хотя Рей не мог понять, что они в нем находят.

Осторожно, чтобы не разбередить рану и не вызвать новое кровотечение, Рей улегся в кровать. Его раздражало, что Коулман будет в обществе Инес и итальянца Антонио. Рей никогда не видел Антонио, но представлял себе этот тип людей: безвольный, миловидный и молодой, аккуратно одетый, без гроша в кармане, сейчас приживала, а прежде, вероятно, бойфренд Инес. Инес, видимо, лет за сорок, возможно, вдова, богатая, возможно, тоже художница, но плохая. Однако в Венеции, если Рею хотя бы еще раз удастся увидеться с Коулманом наедине, он сумеет сказать ему прямым текстом, донести до него простую вещь: он понятия не имеет, почему Пегги убила себя, у него даже мыслей никаких на этот счет нет. Если ему удастся убедить Коулмана, который считает, будто Рей утаивает от него какой-то важный факт или секрет, тогда... А что – тогда? Мозг Рея отказался углубляться в проблему. Рей уснул.

На следующее утро он заказал билет на вечерний рейс в Венецию, забронировал телеграммой комнату в пансионе «Сегузо» на набережной Дзаттере, позвонил четверем художникам и галеристам в Риме, договорился о двух встречах, одна из которых дала ему художника для будущей галереи Гаррета, некоего Гульельмо Гвардини, тонкими кисточками писавшего фантастические, подробнейшие ландшафты. Договоренность была устная, никаких подписанных контрактов, но Рей остался доволен. Может быть, в конечном счете

ему с Брюсом и не придется открывать в Нью-Йорке «Галерею плохого искусства». То была идея Рея, его последняя надежда: если им не удастся договориться с хорошими художниками, то нужно договориться с плохими, пусть люди приходят и смеются, пусть покупают, чтобы иметь что-то такое, чего нет у других, которые покупают только «лучшее». «Нам останется только сидеть и ждать, – сказал Брюс. – Берите только худшее и не объясняйте, почему вы это делаете. Нам не обязательно называть ее „Галерея плохого искусства“. Назовем ее, например, „Галерея зеро“. Публика скоро все поймет». Они смеялись, разговаривая об этом на Мальорке, куда Брюс прилетал провести прошлое лето. И может быть, идея была вовсе не такой уж нереализуемой. Но Рей поразился тому, что вечером в Риме, встретившись с художником Гульельмо Гвардини, встал на более здравый путь.

Когда, пообедав в одиночестве, он забирал в отеле чемодан, ни о каких телефонных звонках ему не сообщили.

Другие прибыли первыми, наверное, часов на десять раньше его. Самолет выгрузил пассажиров в прохладную темноту около половины четвертого ночи, и Рей узнал, что в такой час никаких автобусов нет и добраться до места можно только на лодке.

Лодка оказалась довольно большим катером, и его быстро заполнили молчаливые, торжественные англичане и светловолосые скандинавы, которые ждали, пока приземлится самолет Рея. Катер отвалил от пристани, ловко развернулся, причем корма его ушла вниз, как у вставшего на дыбы коня, и помчался на полной скорости. Из громкоговорителя доносилась веселая фортепьянная музыка, какую ожидаешь услышать в коктейль-баре, но, похоже, настроения она ни у кого не подняла. Безмолвные, с побледневшими лицами, все сидели по ходу движения, словно катер вез их на казнь. Пассажиров высадили на пристани терминала «Алиталии», близ остановки «Сан-Марко», откуда Рей надеялся добраться до места на вапоретто^[4] – ему нужно было на остановку «Академия»; но прежде чем он понял, что происходит, его чемодан оказался в тележке и его повезли в здание «Алиталии». Рей побежал за тележкой, застрял в дверях, где столпилось много пассажиров, а когда зашел внутрь, его чемодана нигде не было видно. Ему пришлось ждать у стола выдачи, пока два деловитых носильщика, пытаясь подчиняться крикам пятидесяти пассажиров, вручали им нужные чемоданы. Когда Рей получил свой и вышел с ним из здания, вапоретто отходил от причала на остановке «Сан-Марко».

Теперь ему, вероятно, предстояло долгое ожидание, но его это не очень волновало.

– Вам куда, сэр? Давайте донесу, – предложил дюжий носильщик в выцветшем синем костюме и потянулся к его чемодану.

– Мне до «Академии».

– А, так вы только что упустили вапоретто. – Улыбка. – Следующий через сорок пять минут. Пансион «Сегузо»?

– Sì, – ответил Рей.

– Я вас провожу. Тысяча лир.

– Grazie. Там от «Академии» недалеко.

– Десять минут пешком.

Это, конечно, было не так, но Рей лишь улыбнулся, отмахнувшись от носильщика. Он дошел до пристани Сан-Марко, остановился на ней, поскрипывающей и покачивающейся, и закурил сигарету. Сейчас на воде не было никакого движения. Большая церковь Санта-Мария делла Салюте по другую сторону канала была освещена очень слабо, да и уличный свет горел едва-едва, по той причине, как догадывался Рей, что ноябрь был нетуристическим сезоном. Вода легонько плескалась у стоек пристани, но за этой легкостью чувствовалась мощь. Рей подумал о Коулмане, Инес и Антонио, – возможно, они спят где-то здесь, в Венеции. Коулман и Инес, вероятно, в одной кровати. Наверное, в «Гритти» или «Даниэли», поскольку счета оплачивает Инес (а Коулман дал ему понять, что она богата). А вот Антонио, хотя и его путешествие финансирует Инес, поселился в каком-нибудь отеле подешевле.

К нему на пристани присоединились два хорошо одетых итальянца с портфелями. Они разговаривали о расширении гаража где-то в городе. Их присутствие и разговор успокаивали Рея, но дрожь все не проходила, и он еще раз огляделся, надеясь увидеть кофейню, однако надежды его были тщетны. Бар «У Гарри»^[5] напоминал гробницу из камня и стекла. А на

красном фасаде отеля «Монако и Гранд-канал» напротив не светились ни одного окна. Рей ходил кругами вокруг своего чемодана.

Наконец вапоретто появился из темной кривой канала далеко слева – маленький желтоватый светлячок дружелюбия. Он сбросил скорость, чтобы причалить к пристани Сан-Марко. Рей, как и два итальянца, смотрел словно зачарованный. Трамвайчик увеличивался в размерах и приближался, и вот Рей разглядел пятерых или шестерых пассажиров, увидел спокойное красивое лицо человека в белой моряцкой фуражке, который кинул причальный канат. На вапоретто Рей купил билет для себя и заплатил пятьдесят лир за багаж. Суденышко миновало делла Салюте и вошло в более узкое устье Гранд-канала. Освещение отеля «Гритти» отличалось изяществом и умеренностью: два тускло горевших электрических фонаря, удерживаемых крупными женскими статуями на кромке воды. Суда, прибывавшие к «Гритти», швартовались между этими статуями. Моторные лодки под матерчатым навесом покачивались между шестами. Их названия были «Ка' Корнер» и «Альдебаран». Всюду преобладал черный цвет, редкие звездочки маленьких желтых всполохов на этом фоне иногда высвечивали светло-красный или светло-зеленый цвет камня.

На остановке «Академия», третьей по счету, Рей быстро сошел со своим чемоданом на широкую мощеную дорогу, ведущую через остров к набережной Дзаттере. Он срезал путь, пройдя под аркой в нечто похожее на тупичок, но помнил, что через несколько ярдов этот проход поворачивает налево, а еще что на стене дома впереди есть голубая керамическая мемориальная табличка с надписью: «Здесь жил и творил Джон Рёскин»^[6]. Стоило ему повернуть налево, как по левую сторону он увидел пансион «Сегузо». Будить швейцара ему не хотелось, но все-таки он нажал кнопку.

Минуты через две появился старик в красном мундире, который он даже не удосужился застегнуть, открыл дверь, вежливо поздоровался и вместе с Реем в маленькой кабинке лифта поднялся на третий этаж.

Комната была простая и чистая, высокие окна выходили на остров Джудекка за водной гладью и на небольшой канал, проходивший прямо внизу вдоль стены пансиона. Рей надел пижаму, помылся над тазиком – швейцар сказал, что комнат с ванной нет, – и упал на постель. Ему казалось, что он ужасно устал, но по прошествии нескольких минут понял, что не может уснуть. Это чувство было ему знакомо со времен Мальорки – нервное изнеможение, от которого чуть подрагивала рука, когда он брал в руки карандаш или авторучку. Исцелиться от этого можно было только прогулкой. Он встал, облачился в удобную одежду и тихо вышел на улицу.

Светало. Гондольер в костюме цвета морской волны вез груз кока-колы по каналу рядом с пансионом. Моторная лодка неслась по каналу Джудекка, словно виновато торопилась домой после затянувшейся вечеринки.

Рей взбежал по крутым ступенькам мостика Академии и направился к Сан-Марко. Он шел по узким серым улочкам с закрытыми витринами магазинов, по маленьким площадям – Кампо-Морозини, Кампо-Манин, знакомым, неизменным, хотя Рей знал их недостаточно, чтобы помнить во всех подробностях. Навстречу ему попала старуха с большой плоской корзиной, наполненной брюссельской капустой. Потом под его ногами появилась плитка со стрелочками, указующими на офис «Американ экспресс», и он увидел впереди нижнюю часть колонны на площади Сан-Марко.

Рей вышел на гигантский прямоугольник площади. Это пространство производило какой-то звук, похожий на «ах», словно бесконечный выдох. Справа и слева виднелись арки

двух аркад, уменьшающиеся в перспективе. Стояние на месте вызывало у Рея какое-то странное беспокойство, и он пошел вперед, стесняясь осторожного, шелестящего звука собственных шагов по цементу. Несколько проснувшихся голубей летали вокруг своих гнезд в аркадах, а двое или трое спустились на площадь и начали клевать крошки. На Рея, прошедшего совсем рядом с ними, они не отреагировали, будто его тут и не было. Потом Рей вошел под аркаду. Ювелирные лавки были занавешены и забраны металлическими решетками. Близ конца аркады он снова вышел на площадь и на ходу посмотрел на собор. Сложность архитектуры и разнообразие стилей в одном сооружении заставили его в очередной раз изумиться. Архитектурный винегрет, подумал он. И все же собор поражал и производил сильное впечатление. И в этом ему не было равных.

Рей бывал в Венеции пять или шесть раз, в первый – четырнадцатилетним мальчишкой вместе с родителями. Мать знала Европу гораздо лучше отца, но отец строже заставлял его изучать Старый Свет, слушать учебные записи по французскому и итальянскому. В то лето, когда Рею стукнуло семнадцать, отец определил его на интенсивный курс французского в «Берлице»^[7] в Сент-Луисе. Рею Италия и итальянские города всегда нравились больше Парижа, больше, чем район загородных домов, которым так восхищался его отец и ландшафт которого мальчишке Рею напоминал фотографии для календарей.

Часы показывали без четверти семь. Рей увидел открытый кафе-бар, зашел и встал у стойки. Пышущая здоровьем блондинка с большими серо-голубыми глазами приняла его заказ и сама приготовила капучино в автомате. Мальчишка-помощник наполнял стеклянные контейнеры булочками. На девушке была свежая светло-голубая форменная одежда. Поставив перед Реем чашку, она взглянула ему в глаза, но без всякого заигрывания и даже безразлично – Рею казалось, что так смотрят на людей все итальянцы, независимо от пола и возраста, если вообще их замечают. Ему стало интересно, живет ли она с родителями или недавно вышла замуж. Но она ушла, прежде чем он успел посмотреть, есть ли у нее кольцо на пальце, да, впрочем, ему было все равно. Он обхватил холодными ладонями горячую чашку, вспоминая здоровое, счастливое лицо девушки по другую сторону стойки, хотя больше и не смотрел в ее сторону. Ко второму кофе он взял круассан, заплатил чаевые, чтобы посидеть подольше, и уселся за маленьким столиком. Теперь он смог купить по соседству газету и просидел почти час, пока город вокруг него просыпался и улицы заполнялись людьми, спешащими в обоих направлениях. Тощий мальчишка в черных брюках и белом пиджаке выносил поднос за подносом с капучино, доставляя его по соседству, и возвращался, помахивая пустым подносом, который держал между большим и указательным пальцем. Хотя на вид ему было не больше двенадцати и он должен был бы сидеть за партой, он явно запал на блондинку, которая обращалась с ним как с младшим братом и ерошила ему волосы на затылке.

Рей предположил, что лучше самому отыскать Коулмана и компанию, чем наткнуться на них случайно в ресторане или на площади, где Коулман невольно выразит испуг или скажет: «Рей, какой сюрприз видеть тебя здесь!» Но сейчас было слишком рано пытаться звонить в «Гритти» или какой-нибудь другой отель. Рей подумал, не вернуться ли ему в пансион и поспать, но потом все же решил пройти чуть дальше. Владельцы лавок выставляли свои товары, вывешивали за дверями тесных магазинчиков записные книжки и шарфы, поднимали жалюзи, открывая витрины, заполненные всякими кожаными изделиями.

Взгляд Рея выхватил в витрине шарф с зелено-черно-желтым цветочным рисунком, почти целиком покрывающим белую ткань. При виде этого шарфа его пронзила боль, и ему

показалось, что только после укола боли он и заметил шарф, и все же секунду спустя он понял, что заметил его, так как тот напомнил ему о Пегги. Она бы пришла в восторг, увидев такой шарф, хотя Рей не мог припомнить ни одного ее шарфа, похожего на этот. Он сделал еще пять-шесть шагов, потом вернулся. Ему захотелось купить шарф. Магазины еще не открылись. Чтобы убить время, Рей выпил эспрессо и выкурил еще одну сигарету в баре на той же улице. Когда он вернулся, магазин уже открывался, и он купил шарф за две тысячи лир. Продавщица уложила его в хорошенькую коробку и тщательно завернула, полагая, что он собирается подарить его девушке.

Затем Рей вернулся в пансион «Сегузо». Теперь он чувствовал себя спокойнее. В номере он повесил шарф на спинку стула, выбросил бумагу и коробку и снова переоделся в пижаму. Он сел на кровать и посмотрел на шарф. Казалось, будто Пегги сейчас в этой комнате вместе с ним. Не требовалось даже намека на ее духи или складок на шарфе, чтобы ощутить, что Пегги здесь, и Рей подумал: не убрать ли шарф, не спрятать ли его хотя бы в чемодан? Потом он решил, что все это нелепо, улегся на кровать и заснул.

Проснулся он в одиннадцать от звона церковных колоколов, хотя и знал, что, пока он спал, они звонили каждые четверть часа. Может, поискать Коулмана? Или они ушли на ланч и не вернутся раньше пяти? В его комнате не было телефона. Рей надел плащ и спустился в холл к телефону на столике.

– Соедините меня с отелем «Гритти-палас», – попросил он.

Никаких Коулманов в «Гритти» не оказалось.

Затем Рей соединился с «Ройял Даниэли».

И опять ему ответили «нет».

Может быть, Коулман солгал, а на самом деле ни в какую Венецию не собирался? Рею представлялось вероятным, что Коулман так и поступил, мог поступить, независимо от того, убил он Рея или нет. Рей улыбнулся при мысли о том, что Коулман может находиться в Неаполе, или Париже, или даже в Риме.

Еще был «Бауэр-Грюнвальд». Или «Монако». Рей снова снял трубку:

– Отель «Бауэр-Грюнвальд», пожалуйста.

Долгое ожидание, наконец он задал вопрос новому голосу.

– Синьор Колеман. Одну минутку, пожалуйста.

Рей ждал.

– Алло? – раздался женский голос.

– Мадам... Инес? – Рей не знал ее фамилии. – Говорит Рей Гаррет. Извините за беспокойство. Я бы хотел поговорить с Эдом.

– Ах, Рей! Где вы? Здесь?

– Да, я в Венеции. Эд может подойти? Если нет, я могу...

– Он здесь, – ответила она утешительно твердым тоном, оставляя все свои «ахи». – Минутку, Рей.

Минутка оказалась долгой. У Рея даже мелькнула мысль, что Коулман отказывается с ним говорить. Наконец раздался его голос:

– Да?

– Привет. Подумал, что нужно дать вам знать: я в Венеции.

– Так-так. Какой сюрприз. И сколько ты собираешься здесь пробыть?

– День или два... Я бы хотел увидеть вас, если возможно.

– Конечно. И тебе нужно познакомиться с Инес – Инес Шнайдер. – Судя по голосу,

Коулман был слегка потрясен, но быстро взял себя в руки. – Как насчет ужина сегодня? Инес, мы куда идем?.. «Да Колombo», около половины девятого, – сказал он Рею.

– Надеюсь, я смогу увидеть вас после ужина. Или сегодня днем? Я бы хотел встретиться с вами с глазу на глаз. – На мгновение Рея оглушил взрывной звук, донесшийся из трубки, и он не услышал слов Коулмана. – Не могли бы вы повторить? Я не слышал.

– Я сказал, тебе давно пора познакомиться с Инес, – скучающим тоном проговорил Коулман своим четким, типично американским голосом. – Мы ждем тебя в половине девятого в «Да Колombo», Рей.

Коулман повесил трубку.

Рей разозлился. Может, позвонить еще раз и сказать, что на обед не придет, а хочет увидеть Коулмана в любое другое время? Он отправился к себе в комнату подумать, но за несколько секунд решил оставить как есть и прийти в половине девятого.

Рей намеренно опоздал на пятнадцать минут, но этого оказалось мало: Коулман еще не появился. Рей дважды обошел большой зал ресторана, но Коулмана не обнаружил. Он вышел и заглянул в ближайший бар, заказал виски.

Потом увидел в окне: Коулман с женщиной и молодым человеком прошли мимо бара, Коулман громко смеялся над чем-то, сотрясаясь всем телом. А всего-то прошло две недели со дня смерти его единственного ребенка. Странный человек. Рей допил виски.

Он вошел в ресторан, когда решил, что дал им достаточно времени, чтобы усесться. Нашел их во втором зале. Рею пришлось подойти почти вплотную, прежде чем Коулман соблаговолит поднять голову и поздороваться.

– А, Рей! Садись. Инес... Позволь тебе представить Инес Шнайдер. Рей Гаррет.

– Enchanté^[8], месье Гаррет, – сказала она.

– Enchanté, мадам, – ответил Рей.

– И Антонио Сантини, – сказал Коулман, показывая на темноволосого кудрявого молодого итальянца за столом.

Антонио привстал и протянул руку:

– Piacere^[9].

– Piacere, – ответил Рей, пожимая протянутую руку.

– Садись, – велел Коулман.

Рей повесил пальто на крючок и сел. Он взглянул на Инес, которая смотрела на него. Это была темная блондинка лет сорока пяти, миниатюрная, в дорогих украшениях. Нельзя сказать, чтобы она была красива; у нее был срезанный и довольно заостренный подбородок, но Рей ощущал тепло и женственность, даже что-то материнское, а это и было самым привлекательным в ней. И опять, глядя на оплывшее лицо Коулмана, его неаппетитные каштановые усы, лысую голову, покрытую веснушками после Мальорки, представляя его здоровенный живот, спрятанный сейчас под столом, Рей спрашивал себя, каким образом тот привлекает женщин столь утонченных, какой ему представлялась Инес. Когда Рей познакомился с ним и с Пегги прошлой весной на выставке на Виа Маргутта, Коулман был с другой женщиной, того же типа, что и Инес. «Мой отец всегда прощается первым», – услышал Рей голос Пегги у себя в ушах и нервно подался вперед на стуле.

– Вы художник? – спросил по-итальянски сидевший справа от него Антонио.

– Я плохой художник. А вот как коллекционер я лучше, – ответил Рей.

У него не было ни сил, ни интереса спрашивать про работу Антонио. Коулман упоминал, что Антонио – художник.

– Очень рада видеть вас наконец, – сказала Инес Рею. – Думала, мы встретимся в Риме.

Рей слегка улыбнулся, не зная, как ответить. Это не имело значения. Он чувствовал, что Инес симпатизирует ему. Она пользовалась хорошими и довольно сильными духами, была одета в зеленое с черным трикотажное платье и носила серьги с подвесками зеленого камня.

Подошел официант, и они сделали заказ. После чего Инес спросила у Рея:

– Вы возвращаетесь в Штаты?

– Вообще-то, да. Но сначала лечу в Париж. Нужно встретиться там с некоторыми художниками.

– Мои работы его не интересуют, – пробормотал Коулман через сигарный дым.

– Ах, Эдвард, – сказала Инес, произнося его имя как «Эдуард».

Рей притворился, что не расслышал. Его не привлекала нынешняя поп-артовская фаза творчества Коулмана, но ему просто никогда не приходило в голову пригласить Коулмана в свою галерею. Коулман теперь считал себя «европейцем». Насколько знал Рей, Коулман не был и не хотел быть представлен в какой-либо нью-йоркской галерее. Он бросил работу инженера-строителя, когда Пегги было четыре года, и тогда же начал рисовать. Рей симпатизировал ему за это, а мать Пегги за это же самое развелась с ним и забрала Пегги себе. (И может быть, тут не обошлось еще без одной женщины.) Не прошло и года, как мать Пегги погибла в автокатастрофе. Коулману, жившему тогда в Париже, сообщили, что у него на попечении дочь и что его покойная жена, богатая женщина, учредила фонд Пегги, к которому Коулман не имеет права прикасаться, но из которого будет оплачено образование девочки, а по достижении двадцати одного года этот фонд будет приносить ей доход. Обо всем этом Пегги рассказала Рею. Пегги исполнился двадцать один, когда они уже состояли в браке, и четыре месяца она получала доход. Она объяснила Рею, что не может передать деньги отцу или кому-нибудь другому. А в случае ее смерти все деньги отойдут ее тетушке в Америке.

– Вы собираетесь открыть галерею в Нью-Йорке? – спросила Инес.

– Да. Мой партнер, Брюс Мейн, пока еще не нашел помещение. Мы пытаемся. – Рей говорил с трудом, делая над собой усилие. – У меня эта идея давно родилась. Мы с Пегги... мы... – Он невольно посмотрел на Коулмана и увидел, что тот впился в него своими расчетливыми глазками. – Мы собирались уехать в Нью-Йорк, проведя год на Мальорке.

– Чуть больше года, – вставил Коулман.

– Пегги хотела остаться подольше, – сказал Рей.

Коулман пожал плечами, словно выражая недоумение или подчеркивая, что желание Пегги не осуществилось.

– В Венеции вы тоже встречаетесь с художниками? – спросила Инес.

Рей был благодарен ей за вежливый тон.

– Нет, – ответил он.

Принесли заказ. Рей заказал себе каннеллони. Мясо было отвратительное, а макароны, мягко говоря, неаппетитные. Коулман же поглощал еду с аппетитом.

– Так о чем ты хотел поговорить? – спросил Коулман у Рея, налив из графина вино сначала себе, а потом Рею.

– Не могли бы мы встретиться завтра? – ответил вопросом Рей.

Антонио ловил каждое их слово, прислушиваясь к разговору, и Рей был склонен относиться к нему как к кому-то незначительному; но едва он подумал об этом, ему пришло в голову, что Антонио, возможно, напарник Коулмана, молодой человек, который за небольшие деньги поможет ему избавиться от Рея. Он взглянул в блестящие темные глаза Антонио, посмотрел на его большой рот с довольно толстыми губами, лоснящимися от оливкового масла, но не смог прийти ни к какому выводу относительно него. А Коулман, разговаривавший с Инес, не ответил на его предложение о завтрашней встрече.

– Где ты остановился? – спросил Коулман у Рея.

– В пансионе «Сегузо».

– Это где?

– У Академии.

В задней части зала за большим столом, окруженным людьми, было очень шумно.

Рей наклонился к Коулману и сказал:

– В какое время завтра мы могли бы встретиться?

– Не уверен насчет завтра, – ответил Коулман, поглощая еду и не глядя на Рея. – У нас тут есть друзья. И сегодня вечером они присоединятся к нам. – Коулман посмотрел на дверь, потом на часы. – Во сколько они обещали? – спросил он у Инес.

– В половине десятого, – ответила Инес. – Ты же знаешь, они едят рано.

Рей молча выругал себя за то, что приехал сюда сегодня. При сложившихся обстоятельствах ему не оставалось ничего иного, кроме как оставаться учтивым и уйти при первой же возможности. Но он не мог придумать ничего, абсолютно ничего, чтобы сказать Инес. Ни одного слова хотя бы о Венеции.

Время тянулось медленно. Антонио говорил с Инес и Коулманом о скачках в Риме. Он был полон энтузиазма. Рей не мог это слушать.

Коулман встал, бросив на стол салфетку:

– Ну что? Лучше поздно, чем никогда. Вот и они!

К столу подошли мужчина и женщина, и Рей с трудом попытался сосредоточиться на них.

– Привет, Лаура! – сказал Коулман. – Френсис, как поживаете? Мистер и миссис Смит-Питерс, мой... бывший зять Рей Гаррет.

Рей встал и вежливо подтвердил это грубоватое представление, а также принес недостающий стул. Новоприбывшие выглядели как обычные средние американцы лет пятидесяти пяти, и, судя по их виду, деньги у них водились.

– О, мы уже поели, спасибо, – сказала Лаура Смит-Питерс, усаживаясь. – Мы ведь американцы. Мы по-прежнему предпочитаем ужинать около восьми, – сказала она, обращаясь к Инес.

У нее были рыжеватые волосы и высокий, довольно гнусавый голос. По тому, как она произносила «р», Рей заключил, что она родом из Висконсина или Индианы.

– А мы на полупансионе в «Монако» и сегодня решили поесть там, потому что на ланч ездили в другое место, – с шутилой точностью сказал мистер Смит-Питерс, и на его птичьем лице, обращенном к Инес, появилась улыбка.

Рей почувствовал, что миссис Смит-Питерс собирается заговорить с ним, несомненно о Пегги, и приготовился.

– Мы очень огорчились, узнав об этой трагедии в вашей жизни, – сказала она. – Мы знали Пегги с ее восемнадцати лет. Но не очень хорошо знали – она все время была занята учебой. Такая милая девушка.

Рей кивнул.

– Мы из Милуоки. Вернее, я. Мой муж калифорниец, но мы большую часть жизни прожили в Милуоки. Если не считать последнего года. А вы откуда?

– Из Сент-Луиса, – ответил Рей.

Коулман заказал еще литр вина и бокалы для Смит-Питерсов. Но миссис Смит-Питерс не хотела вина и в конце концов, поддавшись уговорам Коулмана, согласилась выпить чаю.

– Чем вы занимаетесь? – спросил Рей у мистера Смит-Питерса, чувствуя, что этот вопрос не доставит неудобств.

– Производством спортивного оборудования, – без промедления ответил мистер Смит-Питерс. – Мячи для гольфа, теннисные ракетки, оборудование для подводного плавания. В Милуоки сейчас всем командует мой партнер по бизнесу, а мне доктор прописал полный покой. Инфаркт год назад. И вот теперь мы рискуем сломать себе шею, когда поднимаемся

по трем пролетам каменной лестницы во Флоренции^[10] – мы там сейчас живем, – и носимся по Венеции...

– Дорогой, с каких это пор мы носимся? – вставила его жена.

Было заметно, что Смит-Питерс – человек, который любит двигаться быстро. Волосы у него почти полностью поседели. Рей не мог представить его молодым, под грузом дел. А вот его жену нетрудно было вообразить юной, голубоглазой и бойкой, отличающейся той обычной ирландской миловидностью, какая бывает только в молодости. Лицо мистера Смит-Питерса напоминало Рею лица бейсболистов прошлых времен – он иногда видел их фото в спортивных изданиях в Штатах, но так никогда и не удосужился что-нибудь о них прочесть. Подтянутые, с ястребиными носами, ухмыляющиеся. Рею не хотелось спрашивать, занимался ли мистер Смит-Питерс спортом, прежде чем заняться бизнесом. Он знал: ответом будет либо бейсбол, либо гольф.

Рей почувствовал на себе взгляд миссис Смит-Питерс, она искала на его лице то ли отпечаток скорби, то ли знаки жестокости или бесчувствия, которые могли побудить Пегги к самоубийству. Рей не знал, что им наговорил Коулман, но вряд ли что-нибудь благоприятное, ни единого словечка, кроме разве что наличия у Рея денег, да и этот факт он преподнес бы с оттенком презрения. Однако у самого Коулмана был нюх на деньги – свидетельством тому его жена и женщина, с которой он жил теперь. А еще – Смит-Питерсы. Смит-Питерсы были типичными для того круга, в котором по престижным и экономическим соображениям вращался Коулман. Вероятно, искусство их мало интересовало, но Коулман мог продать им одну из своих картин. Коулман мог взять женщину, с которой предполагал завести роман, на вечеринку к таким людям, как Смит-Питерсы, чтобы произвести на нее впечатление. Пегги, невзирая на весь свой первобытный страх перед отцом и уважение к нему, осуждала его дармоедство и лицемерие.

– Мы так удивились, когда Эд подошел к нам сегодня утром на площади, – сказала миссис Смит-Питерс, обращаясь к Инес. – Мы понятия не имели, что он здесь. Приехали сюда всего на пару недель, пока в нашем доме во Флоренции устанавливают центральное отопление. – Она посмотрела на Рея. – Мы познакомились с Пегги и Эдом в Сент-Морице однажды на Рождество.

– Лаура, не хотите подсластить чай коньячком? – прервал ее Коулман.

– Нет, спасибо, Эд. У меня от коньяка бессонница, – ответила миссис Смит-Питерс и снова обратилась к Инес: – Вы сюда надолго, мадам Шнайдер?

– Ну, это вам лучше спросить у Эдварда, – ответила Инес, сделав жест в его сторону. – Он что-то говорил про картины, так что кто знает?

Ее откровенность, тот факт, что она признала главенство Коулмана, похоже, удивил миссис Смит-Питерс, которая, вероятно, подозревала характер их отношений, но никак не ожидала, что именно женщина станет говорить об этом.

– Картины? С видами Венеции?

Рей попытался представить, во что превратит Венецию Коулман с характерными для него грубыми черными контурами и плоскими одноцветными пространствами.

– У вас подавленный вид, – вполголоса сказала Рею миссис Смит-Питерс, и ему стало неловко оттого, что Коулман слышит это.

Коулман прислушался.

– С этим ничего нельзя поделать, – ответил Рей так же тихо, надеясь этим закрыть тему, но Коулман сказал:

– А почему бы ему не быть подавленным – человеку, который всего две недели назад видел, как умерла его жена? – Он подчеркнул свои слова, взмахнув сигарой.

– Рей не видел, как она умерла, Эдвард, – сказала Инес, подавшись вперед.

– Он видел, как она умирала каждый день понемногу еще до того, как он нашел ее мертвой, – возразил Коулман.

Он определенно был уже в подогретом состоянии, хотя еще далеко не пьяным.

Миссис Смит-Питерс, казалось, хотела задать вопрос, но передумала. Он выглядела как расстроенная ирландская девочка.

– Это случилось, когда Рей на несколько часов вышел из дома, – сказала Инес миссис Смит-Питерс.

– Да, и где же он был? – Коулман улыбнулся Антонио, все еще слушавшему серьезно и внимательно, потом повернулся к мистеру Смит-Питерсу, которого захотел вовлечь в разговор. – Он был в доме у соседки. В то утро или день, когда его жена явно страдала, он находился в другом месте.

Рей не мог смотреть ни на кого из сидящих за столом. Но почему-то слова Коулмана больше не причиняли ему такую боль, как на Мальорке, когда они с Коулманом были вдвоем.

– Никаких явных страданий в тот день, – возразил Рей.

– Ты хочешь сказать, не больше, чем в другие дни, – произнес Коулман.

– Эдвард, я уверена, что мы не хотим выслушивать это снова, – запротестовала Инес, постучав по столешнице рукояткой ножа. – Смит-Питерсы наверняка не хотят.

– И в доме никого не оказалось? – тихо спросила миссис Смит-Питерс, вероятно, желая проявить вежливый интерес, но это было ужасно.

– Только горничная, но она ушла в час, убрав после ланча, – доложил Коулман, довольный тем, что у него есть слушатель. – Рей вернулся домой после трех и нашел Пегги в ванной. С перерезанными запястьями. К тому же она захлебнулась.

Даже Антонио чуть поморщился.

– Ужасно! – пробормотала миссис Смит-Питерс.

– Господи боже! – прошептал мистер Смит-Питерс и откашлялся.

– В тот день Рей не пришел домой на ланч, – многозначительно сказал Коулман.

И это тоже не было больно. Рей находился в доме Элизабет Бейард, американки лет двадцати шести, и смотрел ее рисунки, которые были лучше ее картин. Она лишь недавно приехала в деревню, и они с Пегги всего один раз были у нее дома. Она подала ему дюбонне и содовую со льдом, и он в тот день много улыбался и разговаривал, радуясь обществу Элизабет, потому что она была привлекательна, добропорядочна и доброжелательна; хотя вовсе не эти качества требовались, чтобы он получил удовольствие от двух-трех часов, проведенных с нею, потому что он устал от общества американцев и англичан, обосновавшихся в деревне. Он сказал ей: «Пегги все равно, приду я на ланч или нет. Я ее предупредил, что, возможно, не приду». Ланч всегда был холодный, и они могли есть его в любой час, когда им заблагорассудится. Или не есть вовсе. И это была чистая правда, что он находил Элизабет привлекательной, на что и намекал Коулман (на Мальорке Коулман выразился сильнее, но Рей не поддался его напору), и Рей помнил, как в тот день думал, что мог бы, если бы вдруг почувствовал желание, завести с ней роман и скрыть его от Пегги, что Элизабет была бы легкомысленной и нежной и связь с нею стала бы благотворным отдохновением от мистицизма Пегги. Еще Рей знал, что он никогда бы не стал заводить роман. Да и никто бы не стал, имея такую жену, как Пегги, девушку, для которой идеалы

были реальностью, нерушимой реальностью, может быть, самой реальной из всех реальностей. К тому же ни на какой роман у него определенно не было сил.

– Вид у него достаточно мрачный, чтобы покончить с собой, и, возможно, он так и сделает, – буркнул Коулман, снова принявшись за свое.

– Эдвард, пожалуйста, прекрати это, – сказала Инес.

Но у миссис Смит-Питерс возник еще вопрос к Рею. Она посмотрела на мужа, словно спрашивая у него разрешения, но он разглядывал скатерть.

– А она вообще рисовала? – спросила миссис Смит-Питерс.

– Все реже и реже, к сожалению. И это было плохо. Мы... Поскольку у нас было много слуг. И свободного времени с избытком.

Коулман снова посмотрел на него критическим взглядом.

Рей продолжил:

– Сказать по правде, мы обленились. У меня имелись определенные обязанности, не обременительные, но... без обязанностей человек разваливается на части. Пегги перестала писать картины по утрам и работала только по вечерам, если вообще работала.

– Похоже на депрессию, – сказал Коулман.

«Но Пегги вовсе не вела себя как человек, у которого депрессия», – подумал Рей. Он не мог сказать этого вслух. Это прозвучало бы как самооправдание. А какое право имеют все эти чужие люди судить его и Пегги? Рей нервно швырнул салфетку на стол.

Миссис Смит-Питерс посмотрела на часы и сказала, что им пора.

– Я тут подумала, – обратилась она к Инес, – может быть, вы с Эдом захотите побывать в Ка' Реццонико?^[11] Я обожаю это место. Хочу съездить туда завтра утром.

– Мы можем позвонить вам во время завтрака? – спросила Инес. – В девять или в половине десятого не слишком рано?

– О боже, нет, мы встаем в восемь, – уверила миссис Смит-Питерс.

Ее муж поднялся первым.

– Может быть, вам тоже захочется с нами, – сказала миссис Смит-Питерс Рею, вставая из-за стола.

– К сожалению, не могу, – ответил Рей. – Спасибо.

Смит-Питерсы ушли.

– Инес, попроси чек. Я вернусь через минуту, – сказал Коулман.

Он направился в заднюю часть ресторана.

Антонио встал, как только Коулман повернулся к ним спиной.

– С вашего позволения, я возвращаюсь в свой отель, – произнес он по-английски. – Я очень устал. Нужно написать письмо матери.

– Конечно, Антонио, – кивнула Инес. – Увидимся завтра.

– Завтра. – Антонио наклонился над ее рукой, изобразил символический поцелуй. – Доброй ночи, – сказал он Рею. – Доброй ночи, мадам.

Инес поискала взглядом официанта.

Рей поднял руку, но официант его не заметил.

– Рей, я советую вам уехать из Венеции, – шепнула ему Инес. – Какая вам будет польза от новой встречи с Эдвардом?

Рей вздохнул:

– Эд все еще не понимает. Мне нужно кое-что ему объяснить.

– Он обедал с вами вчера вечером в Риме?

– Да.

– Я так и думала. Но он сказал, что обедал с кем-то другим. Послушайте меня, Рей. Эдвард вас никогда не поймет. Он чуть с ума не сошел, когда узнал про дочь... – Она закрыла глаза и откинула голову, но лишь на секунду, чтобы успеть сказать все до возвращения Коулмана. – Я никогда не видела Пегги, но слышала мнение о ней от разных людей. «Витают в облаках» – вот что они говорили. Она была для Эдварда богиней, кем-то не принадлежащим к роду человеческому. Слишком хороша, чтобы быть человеком.

– Я знаю.

– Он считает вас очень бессердечным. Я вижу, что это не так. Но поверьте, он никогда не поймет, что в случившемся нет вашей вины.

Ее слова не удивили Рея. Коулман называл его бесчувственным еще на Мальорке. И возможно, называл бы так любого мужа Пегги, даже если бы дочка была счастлива в браке, излучала радость, довольство и все такое прочее.

– Правда ли, что Пегги боялась секса? – спросила Инес.

– Нет. Нет, напротив... Он возвращается.

– Вы можете завтра уехать из Венеции?

– Нет, я...

– Я должна встретиться с вами завтра. В одиннадцать у «Флориана»? [\[12\]](#)

Ответить у Рея не было времени – Коулман уже сел. Но Рей кивнул ей. Согласиться было проще, чем отказаться.

– Наш официант так занят, – сказала Инес с притворным раздражением, будто они все время пытались его подзвать.

– Господи Иисусе! – вздохнул Коулман и завертелся на стуле. – Cameriere! Conto, per favore! [\[13\]](#)

Рей вытащил банкноту в две тысячи лир – больше, чем его доля.

– Убери, – велел Коулман.

– Нет, я настаиваю, – сказал Рей, пряча бумажник в карман.

– Убери, я сказал, – жестко проговорил Коулман.

Он собирался заплатить деньгами, которые ему, конечно же, дала Инес немного раньше.

Рей ничего не сказал. Он встал:

– Позвольте пожелать вам спокойной ночи.

Он поклонился Инес. Затем снял пальто с крючка. Пальто было то самое, другого у него с собой не было, в левом рукаве зияли два пулевых отверстия, но ткань была почти черной, и прорехи вряд ли кто заметил бы. Он поднял левую руку и, уходя, улыбнулся.

Утро сияло солнцем. Под окном Рея в пансионе пели рабочие, словно сейчас была весна или лето, в коридоре за дверью напевала молоденькая уборщица, орудуя шваброй, а по другую сторону канала, в окне посольства Монако, чирикала птичка в клетке.

Когда Рей в половине одиннадцатого вышел из пансиона и направился на встречу с Инес, в кармане у него лежали два письма – одно родителям, а другое их садовнику Бенсону, который прислал ему сочувственное послание на Мальорку. Родителей Рей благодарил за предложение вернуться на некоторое время домой, но писал, у него, мол, пока дела в Европе и он считает, что лучше ему сейчас обосноваться в Нью-Йорке и начать работу с Брюсом Мейном в галерее. Его письмо было ответом на второе родительское, после того как он отправил им телеграмму и написал про Пегги. Рей заглянул в табачную лавку в аркаде на площади, купил марки и опустил письмо в почтовый ящик снаружи. Он пришел раньше на десять минут, медленно прогулялся по площади и наконец увидел Инес, которая резво шла на высоких каблуках – миниатюрная, складная фигурка, появившаяся из-за церкви Сан-Моизе.

– Доброе утро, – сказал он, прежде чем она увидела его.

– Ой! – Она остановилась. – Привет. Я опоздала?

– Нет. Наоборот, вы пришли раньше времени, – сказал, улыбаясь, Рей.

Низко над ее головой пролетел голубь, хлопая крыльями. На Инес была небольшая желтая шляпка с павлиньими перьями с одной стороны. При солнечном свете Рей увидел морщинки у нее под глазами и более глубокие – у рта. По мнению Рея, они ни в коей мере не уменьшали ее привлекательности. Ему стало любопытно, может ли такая женщина заинтересоваться им в роли любовника, при этом он испытал чувство собственной неполноценности, от которого не мог отделаться, даже убеждая себя в его иррациональности. Женщина вроде Инес вполне могла счесть его привлекательным, потому что он моложе и она чувствовала бы себя польщенной.

Возле «Флориана» на улице стояло всего несколько столиков, и за ними сидели люди, закутавшись в пальто и шарфы.

Рей отодвинул стул для Инес.

Она попросила только кофе.

– Итак, – сказала она, когда официант принял заказ. Она положила обе ладони на стол, раздвинула локти, сомкнула пальцы в желтоватых замшевых перчатках. – Повторяю: я бы хотела, чтобы вы уехали из Венеции. Сегодня, если можете.

В холодном прозрачном воздухе ее слова хрустели. Они оба улыбались. В такое утро и в таком месте невозможно было не улыбаться.

– Что ж, пожалуй, я могу уехать завтра. Я вполне готов.

– Вы хотите объяснить с Эдвардом, но я вам говорю: от этого не будет никакого прока. Если бы даже вы предъявили ему дневник Пегги, где была бы написана вся правда, то Эдвард все равно бы продолжал верить в то, во что он хочет верить.

Она сняла одну перчатку и страстно жестикулировала, подкрепляя свои слова.

– Я прекрасно вас понимаю. Мне все ясно, но... – Рей поправил под собой пальто и подался вперед. – Возможно, мне придется повторить Эду все с самого начала, но я смогу сделать это за пять минут, если мне удастся все организовать правильно.

– И что вы ему скажете?

– Я расскажу ему о Пегги. И обо мне. Об атмосфере в доме. О чем мы с ней разговаривали. Мне кажется, именно это Эда и интересует.

Инес безнадежно покачала головой:

– Пегги баловалась наркотиками? Принимала ЛСД?

– Нет. Господи боже, только не Пегги. У нее это даже любопытства не вызывало. Я знаю об этом, потому что мы ходили на вечеринки, где все это было. И многие люди принимали.

– Понимаете, Эдвард считает, что она принимала наркотики.

– Ну вот, это один из тех вопросов, которые я бы хотел для него прояснить.

Принесли кофе, официант чек подsunул под пепельницу.

– Тогда он придумает что-нибудь еще. Скажет, у вас были другие женщины. В таком роде.

– Он спрашивал меня об этом на Мальорке. Встречался с несколькими из наших друзей. Боюсь, никто ему этого не подтвердил.

Они помолчали несколько секунд. Рей чувствовал бесполезность его встречи с Инес.

– Я понимаю, вы действуете из лучших побуждений, – вздохнул Рей, – но вы же знаете, что Эд многое видит в неверном свете. Я не могу это так оставить.

– Но по-моему, будет лучше, если вы все-таки оставите это и не станете писать ему ни о чем таком. – Она посмотрела на голубей, расхаживающих по мостовой. – Я старше вас. И знаю кое-что об Эдварде. Я даю вам наилучший совет, какой могу дать.

– Очень вам благодарен, – сказал Рей, но по его тону можно было понять, что он не собирается воспользоваться ее советом.

– Эдвард хочет во всем обвинить вас. Я даже думала, он может попытаться вас убить, – произнесла Инес, понизив голос.

Рей откинулся на спинку и хохотнул. Сердце его забилось чаще.

– А что, он носит при себе пистолет?

– Нет-нет. Но он может заказать кому-нибудь убить вас.

– Знаете, я хотел спросить про Антонио. Как вы считаете, Коулман мог бы нанять его?

– Ни в коем случае, тут вы можете быть спокойны. Только не Антонио. Антонио ненавидит всякие ссоры. Ему становится плохо от ссор. Он хороший мальчик, но не из лучших итальянских семей. Ну вы понимаете. Прошлым вечером ему едва не стало дурно. Он слушает, слушает, а потом просто бежит прочь. Он позвонил мне сегодня утром, извинился за ранний уход.

Правда ли, что Антонио чуть не заболел? Инес явно в это верила.

– Как вы думаете, мне удастся увидеть Эда сегодня? Вы не поможете мне договориться с ним о встрече? Тогда я бы смог уехать завтра.

– Я знаю, что он будет переносить встречу на все более поздние сроки. Заставит вас ждать два или три дня, только чтобы досадить вам. Он знает, вы хотите с ним поговорить.

– Но в этом нет ничего невозможного. Я встречался с ним с глазу на глаз в Риме, – сказал Рей неожиданно громко. Он даже скосил глаза направо – не обратил ли кто на него внимание. – Но тем вечером он хотел только вспоминать о прошлом. – Рей говорил правду, но чувствовал, что хитрит, поскольку собирался умолчать о выстреле. – Он был в хорошем настроении, рассказывал об учебе Пегги в школе в Швейцарии. Оказывается, ему не хватало денег, а он экономил, чтобы жить рядом с ней в таких местах, как Венеция и Париж, ведь у нее были собственные деньги. Много денег.

– О, могу себе представить, – кивнула Инес.

– Когда я попытался заговорить о том, что случилось, он не захотел слушать. Но теперь, вы же видите, теперь он не против. Это очевидно.

– Он просто хочет дать волю своей ярости. Как вчера вечером. Вот это очевидно. Вам сколько лет, Рей?

– Двадцать семь, – ответил Рей.

– Когда вы родились, мне был двадцать один. Понимаете, уже из-за одной только этой разницы в возрасте я знаю о жизни больше. Во-первых, я два раза побывала замужем. – Она подавила неожиданный смешок. – Мой последний муж ушел от меня к другой женщине больше года назад. Но они теперь не живут вместе. Я была уверена: так оно и случится. Знаю, например, что вы бы не стали пугать такую девушку, как Пегги, постелью... сексом.

– Я говорил вам об этом вчера.

– Нет, вы ответили на мой вопрос, боялась ли Пегги секса. Это другое.

Рей помедлил, подбирая слова:

– Нет, я бы не стал называть это испугом. Секс ей очень нравился. На свой манер. Но это было не совсем обычно. Я хочу сказать... мне кажется, она ожидала от секса чего-то сказочного, чего-то мистического. И в нем, конечно, есть что-то мистическое, но ей хотелось чего-то большего. И еще, и еще.

Красноречие оставило его на несколько секунд. Более простые слова, которые он мог бы произнести, перемешались в голове, и он уже не мог их разобрать. Попытка облечь мысль в слова выявила курьезную сторону их отношений: Пегги считала, что будет «лучше», если они немного изменят позицию в постели, тогда как все и без того было идеально, а попытка внести улучшение разрушила все. Рей прикусил губу, нервничая и пытаясь скрыть улыбку.

– Это я тоже могу себе представить, – сказала Инес. – Секс ей очень нравился.

– Да, – с благодарностью подтвердил Рей. – Но не в его обычном понимании. Я никогда не говорил об этом Эду. Трудно обсуждать такие вещи. И с Пегги я никогда об этом не заговаривал. Точнее, как-то раз попытался, но она даже не поняла, о чем я веду речь. А может, мне не хватило настойчивости. Понимаете, я виню себя в том, что не поговорил с ней, ведь я гораздо старше и лучше знаю мир.

– А Пегги, похоже, ничего о мире не знала, – сказала Инес, стряхивая пепел в пепельницу, из которой его тут же унес ветер.

После смерти Пегги у Рея не было ничего более утешительного, чем слова Инес и прямота, с которой она их произнесла. Потом перед его мысленным взором возникла ванна с кровавой водой – видение, посещавшее его десятки раз в день. На желто-коричневую одежду Инес наложилось жуткое красно-белое видение ванной на Мальорке, длинные черные волосы Пегги, плавающие под поверхностью воды. Она не захлебнулась, потому что воды в ее легких обнаружилось совсем немного, так сказала полиция. И ванна, конечно, была наполнена не одной только кровью, потому что столько крови не может быть в человеке. Но красного цвета было слишком много. Рей решил, будто из Пегги под воздействием ее силы воли вытекли целые галлоны крови и в конечном счете жизнь покинула ее.

– Вы ее любили, – сказала Инес.

– Да, конечно любил. Жаль, что вы с ней так и не познакомились. – Рей помедлил, потом вытащил из кармана пальто сложенный шарф. – Это... это не ее шарф. Я купил его здесь вчера. Но он чем-то напоминает о ней. Вещь в ее стиле. Поэтому я его и купил.

Инес улыбнулась, потрогала шарф кончиками пальцев:

– Красивый и романтичный.

– В некотором роде это ее портрет, – сказал Рей, неожиданно смутившись, и запихал шарф обратно в карман. – Но вы, наверное, видели ее фотографии.

– Вы сохранили какие-то ее вещи?

– Нет. Одежду раздарил беднякам в деревне. Драгоценности отдал Эду. Большинство ее вещей остались в квартире Эда в Риме.

Наступило молчание. Струнный оркестр начал играть что-то из мюзикла «Юг Тихого океана».

– Почему вы чувствуете себя виноватым? – спросила Инес.

– Не знаю. Я думаю, когда кто-то совершает самоубийство, самый близкий человек или несколько самых близких людей всегда чувствуют себя виноватыми, правда?

– Да, обычно так и бывает.

– Если я виноват, – сказал Рей, – а это, конечно, возможно, то в чем-то, чего я пока не понял.

– Тогда вы пока и не должны выглядеть виноватым.

– А я так выгляжу?

– Да. Такое у вас поведение. Если вы не виноваты, то и не должны выглядеть виноватым, – заявила Инес, словно это было так просто.

Рей слегка улыбнулся:

– Спасибо, я попытаюсь.

– Соберитесь уехать завтра – позвоните мне перед отъездом в отель. Если меня не будет, оставьте сообщение: «Все в порядке». Или что-нибудь такое. Договорились?

– Хорошо.

– И вообще, когда бы вы ни уезжали, перед отъездом позвоните мне.

Инес допила кофе.

– Что вам нравится в Эде? – спросил Рей, чувствуя себя наивным, но не в силах удержаться от вопроса.

Инес улыбнулась и неожиданно помолодела:

– В нем есть какая-то смелость. Ему наплевать на мир, на то, что мир думает. Он уверен в себе.

– И вам это нравится? Именно это?

– В нем есть определенная сила, а женщины любят силу. Вряд ли вы это понимаете. Или пока не понимаете.

Рей мог бы понять такое, если бы человек, пренебрегающий условностями и даже законом, выглядел как Эррол Флинн^[14], но Коулман, по его мнению, был уродлив, а потому ее замечание оставило его в том же недоумении, в каком он и пребывал.

– Он ничуть не похож на Пегги, правда? То есть Пегги не похожа на него. Даже цвет волос другой.

– Судя по фотографиям, которые я видела, так оно и есть. Она похожа на мать.

Рей видел фотографию ее матери. Ее мать умерла в тридцать лет, и с фотографии в квартире Коулмана в Риме (у Пегги на Мальорке не было фотографий матери) смотрела сногсшибательная брюнетка. С легкой улыбкой и яркими глазами, как у Пегги, но с выражением самоуверенности в отличие от мечтательности, осенявшей лицо дочери.

– Мне пора, – вздохнула Инес и встала. – Я сказала Эдварду, что хочу купить туфли. Придется ему соврать, будто ничего не нашла.

Рей, не найдя официанта, оставил деньги на столе:

– Я провожу вас.

– Но не до отеля. Не нужно, чтобы Эдвард вас видел.

Они пошли к выходу с площади.

– Впрочем, я не собираюсь оставаться с Эдвардом вечно, – сказала Инес, выше подняв голову. Походка у нее была легкой, изящной. – Он вполне приемлем, если женщина страдает от одиночества, а я страдала... шесть месяцев назад. Эдвард – мужчина без комплексов по отношению к женщинам. Он не просит: «Оставайся со мной навсегда». А когда он говорит: «Я тебя люблю», чего он почти никогда не делает, я ему все равно не верю. Но он хорош в общении...

Она замолчала, и Рей почувствовал, что она собиралась сказать «и в постели». Это было выше его понимания.

– ...и как ухажер, – закончила она.

Ветер унес ее слова, и Рей их едва расслышал.

Да, подумал он, Коулман – ухажер. Женщины любят ухажеров.

– Дальше вы не должны идти, – сказала Инес, остановившись.

Они находились почти у «Бауэр-Грюнвальда». Рей проводил бы ее до самого отеля, но понимал, что ей предстоит неприятный разговор с Коулманом, если тот увидит их вместе.

– Вы еще долго здесь пробудете?

– Не знаю толком. Дней пять. – Она пожала плечами. – Вы должны мне обещать, что завтра уедете. Эдвард сердится из-за вашего приезда в Венецию, и поверьте мне, ваше пребывание здесь ни к чему хорошему не приведет.

– Тогда я хочу встретиться с ним сегодня.

Инес покачала головой:

– Днем мы идем в Ка' Реццонико, а вечером все вместе ужинаем на Лидо. Я почти уверена, что сегодня Эдвард не станет с вами встречаться. Не позволяйте ему унижать вас таким образом.

На солнечном свету в ее глазах сверкали желто-зеленые искорки.

– Хорошо, я подумаю, как мне быть дальше.

Он не желал задерживать ее, а потому поднял руку и резко повернулся.

Рей решил, что на ланч вернется в пансион, но прежде попытается встретиться с Коулманом в его номере в отеле, независимо от того, будет там присутствовать Инес или нет. А после ланча он напишет Брюсу, расскажет ему про то, как отыскал в Риме Гвардини, и назначит встречу в парижском отеле «Пон-Руаяль».

Девушка-портье в «Сегузо» вместе с ключом передала Рею записку:

В одиннадцать звонил мистер Коулман. Не хотите ли поужинать сегодня на Лидо? Перезвоните в отель «Бауэр-Грюнвальд».

Коулман предлагает провести еще один вечер в препираниях. Рей хотел спросить у девушки номер отеля «Бауэр-Грюнвальд», собираясь позвонить с телефона внизу, но две пожилые англичанки опередили его с вопросом, как лучше добраться до Ка-д'Оро^[15]. Девушка им объяснила, после чего одна из англичанок спросила:

– Мы хотели поехать в гондоле. Вы не скажете нам, где найти гондолу? Или можно вызвать ее сюда?

– Да, мадам, мы можем вызвать сюда гондолу. На какое время вы хотите?

Рей посмотрел на высокие тикающие часы в холле, на медный маятник за травленным стеклом. Он подумал, что нужно сегодня отнести пальто куда-нибудь, где его смогут починить. Наконец подошла его очередь, он попросил у девушки номер телефона, и она соединила его с отелем.

Рей снял трубку в одной из двух кабинок. Ответил Коулман:

– А, Рей. Мы ужинаем сегодня в «Эксельсиоре» на Лидо. Не хочешь к нам присоединиться?

– Был бы рад, если бы смог поговорить с вами с глазу на глаз несколько минут после ужина, – вежливо, как всегда, ответил Рей.

– Конечно сможешь, – любезно сказал Коулман. – Значит, договорились: в половине девятого или в девять в «Эксельсиоре»?

– Я подойду к вам после ужина, премного благодарен. До свидания.

Он повесил трубку.

Рей решил, что одиннадцать будет рановато для его появления в «Эксельсиоре». В десять он, стоя у стойки, съел подрумяненный в тостере сэндвич с сыром, запивая его вином, потом прошел на пристань на Рива-дельи-Скьявони, откуда отходили вапоретто на Лидо. Ждать пришлось полчаса. Закрывая звезды, медленно ползли серые облака, и Рей подумал, что может пойти дождь. Вапоретто ждала и пара средних лет, они уныло бранились из-за денег на аренду, которые муж ссудил или дал брату жены. Жена говорила, что ее брат пустышка. Муж горестно пожимал плечами, смотрел в никуда и отвечал жене немногословно, на извечном языке супругов, привыкших ссориться:

- Раньше он возвращал.
- Половину вернул. Ты разве не помнишь? – спросила она.
- Дело уже прошлое.
- Прибрал к рукам наши денежки братец. Мы их больше никогда не увидим.

Муж поднял связанную бечевкой картонную коробку и, волоча ноги, пошел на посадку (вапоретто уже причаливал), словно хотел потихоньку подняться на палубу и сбежать от жены куда угодно, но она шагала за ним по пятам.

Они с Пегги никогда не ссорились, подумал Рей. Возможно, в этом не было ничего хорошего. Рей считал себя покладистым (ему часто говорили об этом другие люди), а это, по его мнению, способствовало счастливому браку. Со своей стороны, Пегги была нетребовательной, никогда не просила ничего такого, что показалось бы ему неразумным. А потому для ссор у них и повода-то не было. Он не слишком хотел сидеть целый год на Мальорке, но Пегги хотела («какое-нибудь место, первобытное, простое, проще Южной Италии»), так что Рей решил считать это долгим медовым месяцем и провести время за рисованием и чтением, в особенности за штудированием исторических книг. И первые четыре месяца Пегги радовалась и была счастлива. Пожалуй, даже первые восемь месяцев. К тому времени новизна босоногой жизни померкла, однако Пегги начала писать, не часто, зато плодотворно, по мнению Рея. Его мысли ушли в сторону, и, как всегда, он почувствовал себя потерянным. Почему, ну почему она решила умереть? У Коулмана теперь были ее картины, он присвоил их все до единой, как и ее рисунки, и отправил их в Рим, даже не спросив у Рея, не хочет ли он оставить себе что-нибудь. Рей упрекал себя за слабость характера. Из-за этого он ожесточился против тестя, так сильно, что старался не думать о нем.

Перед ним открылись огни Лидо, низкая длинная полоса впереди. Ему вспомнилась новелла Манна «Смерть в Венеции»: жаркое, обжигающее солнце, терзающее эту полосу земли. Страсть и болезнь. Но сейчас погода стояла холодная, ни о каких болезнях и речи не шло, а страсти бушевали только в Коулмане.

Рей последовал за хранившей молчание парой на холодную пристань Пьяцца Санта-Мария-Елизавета, стиснул зубы, сопротивляясь ветру, и подошел к будке кассира, чтобы спросить, в какой стороне «Эксельсиор». Ресторан находился в десяти минутах ходьбы по широкой Виале Санта-Мария-Елизавета, потом нужно было повернуть направо на Лунгомаре-Маркони. Темные остекленные дома справа и слева, предназначенные для летнего проживания, казались заброшенными. Были открыты несколько кафе-баров. «Эксельсиор» представлял собой большое освещенное здание, которое, судя по всему,

хорошо отапливалось. Рей опустил воротник пальто, разгладил волосы и вошел в зал.

– Спасибо, я ищу знакомых, – сказал он подошедшему метрдотелю.

Народу в зале было немного, и Рей почти сразу же увидел столик, за которым сидел Коулман. Он чуть поморщился, потому что за столом расположились и Смит-Питерсы, но порадовался, увидев, что им уже подан кофе.

Инес, заметив его, подняла руку и улыбнулась.

– Привет, Рей, – сказал Коулман.

– Добрый вечер, – приветствовал всех Рей.

Антонио тоже сидел за столом, и сегодня его улыбка казалась более искренней.

– Как мило с вашей стороны проделать сюда такой путь, – прощепетала миссис Смит-Питерс.

Рей уселся:

– Это приятное путешествие.

– Потому-то и мы приехали, – произнес Коулман, чье лицо уже порозовело. – Не могу сказать, что сюда кого-то можно завлечь едой. В большинстве тракторий меня кормили гораздо лучше.

– Ш-ш-ш! В конечном счете нас пригласила миссис Перри, – сказала, нахмурившись, Инес.

К ним приближалась худощавая женщина лет шестидесяти, в голубом вечернем платье, со сверкающими драгоценностями на запястьях и шее, этакий типаж Эдит Ситуэлл^[16]. И тут Рей заметил еще один прибор на столе – чашку кофе на том месте, которое предназначалось для дамы. Рей встал.

– Миссис Перри, – сказала Инес, – это мистер Гаррет, зять мистера Коулмана.

– Бывший зять, – поправил ее Коулман.

Он не стал подниматься.

Миссис Перри стрельнула в него обеспокоенным взглядом, но Рей уже понял, что выражение беспокойства никогда не сходит с ее лица.

– Здравствуйте, миссис Перри, – приветствовал ее Рей.

– Здравствуйте. – Миссис Перри села. Она улыбнулась и вскинула голову, как человек, прогоняющий тяжелые мысли. – Ну! Не выпить ли нам всем бренди? Кто какой предпочитает? Или кто-нибудь хочет чего-то другого?

Под ее подбородком проступали сухожилия, провисающие под кожей в сеточке морщин. На тонких веках лежали сиреневатые тени.

– Я выпью бренди, спасибо, – кивнул Антонио.

– «Курвуазье», будьте добры, – сказал Рей, видя, что остальные приглашенные готовы принять предложение миссис Перри.

Когда принесли бренди, миссис Перри завязала с Реем разговор о его картинной галерее. Призналась, что Инес упоминала о его планах открыть галерею в Нью-Йорке, и спросила, как она будет называться.

– Еще не решили. Может быть, просто галерея Гаррета, если не придумаем чего-нибудь получше. Надеюсь, мы найдем место на Третьей авеню.

Миссис Перри сказала, что любит живопись и у нее дома есть два Гогена и один Сутин^[17]. Дом ее находился в Вашингтоне. Она казалась очень грустной, и Рей автоматически начал испытывать к ней симпатию, возможно, из-за того, что не знал причин ее печали, а если бы и знал, то ничего не мог бы с этим поделать. Он понимал, что никогда и не узнает

этих подробностей, так как его знакомство с миссис Перри не продлится сколь-нибудь долго. Рей посматривал на Коулмана: не готовится ли тот уходить. Инес допила свой бренди. Смит-Питерсы собирались на выход.

– Нам сообщили, что в полночь будет вапоретто, и мы с Френсисом должны успеть на него, – сказала миссис Смит-Питерс. – Спасибо, Этель, все было великолепно.

– Вам обязательно так спешить? Ведь всегда можно нанять катер, – заметила миссис Перри.

Но они уже все решили, и Инес тоже объяснила Антонио по-итальянски, что им двоим нужно ехать со Смит-Питерсами, поскольку Эдвард хочет поговорить с синьором Гарретом. Антонио покорно встал.

– Эдвард, мы оставим тебе «Марианну», и ты с Коррадо сможешь отвезти Рея, – предложила Инес.

Коулман начал было возражать, но потом согласился:

– Ну ладно, если последний вапоретто уходит в двенадцать...

– Уверен, что это не так, – сказал Рей, хотя его одолевали сомнения.

– Возможно. – Инес посмотрела на Рея и улыбнулась. – Мы арендовали катер на четыре дня. Может быть, вы тоже покатаетесь с нами, если останетесь.

Рей кивнул и улыбнулся ей. Он предположил, что Коррадо – рулевой катера.

Инес, Антонио и Смит-Питерсы ушли. Миссис Перри снова закурила (она выкуривала всего половину сигареты и гасила ее), а потом сказала, что если они хотят поговорить, то она, пожалуй, их оставит. На этот раз Коулман встал, как и Рей, они оба поблагодарили ее, и Коулман сказал небрежно, словно вовсе не имея этого в виду, что позвонит ей завтра. Он прошел с ней по залу, неловко и неохотно провожая женщину, которая была выше его. Потом вернулся. Коулман готов был поговорить с Реем. По крайней мере, теперь они остались наедине.

– Еще бренди? Кофе? – спросил Коулман, садясь.

– Нет, спасибо.

– А я выпью.

Он подал знак официанту и заказал еще бренди.

Рей взял графин с водой и налил себе в чистый стакан. Никто больше не произнес ни слова, пока официант не принес заказ и не ушел.

– Я хотел поговорить с вами, – начал Рей, – потому что, как мне кажется, вы до сих пор не вполне понимаете, что... – Он помедлил всего секунду, но Коулман тут же вмешался:

– Не понимаю чего? Я понимаю, что ты был неподходящим человеком для моей дочери.

Щеки Рея порозовели.

– Может быть. Возможно, такой человек где-то существует.

– Не морочь мне голову, Рей. Я говорю на чистом американском языке.

– Мне кажется, и я тоже.

– Все эти «мне кажется», «я думаю»... Ты не знал, как с ней обращаться. Не знал, пока не стало слишком поздно, пока она не дошла до точки. – Коулман посмотрел прямо в глаза Рею, наклонив круглую лысую голову к плечу.

– Я знал, что она стала меньше работать. Но по ее поведению нельзя было сказать, что у нее депрессия. Мы по-прежнему довольно часто встречались с разными людьми, и Пегги это нравилось. За два дня до того, как это случилось, мы устроили вечеринку.

– И кого пригласили? – надменно спросил Коулман.

– Кое с кем из них вы встречались. Это не какая-нибудь шваль. Но суть в том, что у нее не было депрессии. Да, она предавалась всяким мечтам, много говорила о фруктовых садах, птицах с цветными перьями. – Рей облизнул губы. Он чувствовал, что говорит плохо, словно пересказывает фильм, начав с середины. – Я бы хотел, чтобы вы знали: она никогда не говорила о самоубийстве, ни словом не обмолвилась насчет депрессии. Как об этом можно было догадаться? Она действительно казалась счастливой. И я вам говорил в Шануансе, что в Пальме я посетил психиатра. Он мог бы принять ее не один раз – столько, сколько было бы нужно Пегги. Но она не захотела с ним встречаться.

– Значит, ты подозревал: что-то с ней неладно, иначе зачем бы стал обращаться к психиатру?

– Не совсем так. Но я бы пригласил психиатра в дом, если бы знал, в каком она плохом состоянии. Ела она нормально...

– Я это слышал.

– Мне казалось, Пегги нужно поговорить с кем-то, кроме меня, с тем, кто объяснил бы ей, что такое реальность, в которой мы живем.

– Реальность? – Голос Коулмана прозвучал рассерженно, подозрительно. – А ты не думаешь, что в браке она получила изрядную дозу этой самой реальности?

Для Рея это был нелегкий вопрос.

– Если вы имеете в виду физическую сторону...

– Имею.

– С Пегги это было и реально, и нереально. Она не боялась. Она... – Он просто не мог говорить об этом Коулману.

– Была удивлена. Может быть, потрясена.

– Вовсе нет. Трудность состояла не в этом. Может быть, в том, что она уехала от вас. После того как вы многие годы были центром ее жизни, на вашем месте вдруг появился я. – Он спешил продолжить, хотя и видел, что у Коулмана чешется язык. – Она была чрезвычайно неприспособленной, сами знаете. Всю жизнь частные школы, а на каникулах никуда от вас ни на шаг. Ясно, что вы не давали ей той свободы, какой пользуются девочки ее возраста.

– Ты думаешь, я хотел, чтобы она росла, зная всю... грязную сторону жизни, известную многим девочкам?

– Нет, конечно. Я вас понимаю. И я ценю то, что Пегги не походила на других. Но вероятно, ей хотелось больше волшебства, чем я мог дать... или больше, чем есть в браке.

– Волшебства?

Рей чувствовал смущение и неуверенность.

– Пегги была очень романтична... и в этом крылась опасность. Она считала, что брак – это нечто вроде рая или поэзии, а не продолжение обычного мира. Но место, где мы жили, и в самом деле было похоже на рай. Климат, фрукты на деревьях прямо перед нашей дверью. У нас были слуги, свободное время, солнце. Мы не были обременены детьми, не мыли с утра до вечера посуду.

– Деньги не могли сделать Пегги счастливой. Денег ей всегда хватало, – отрезал Коулман.

И Рей понял: он сказал не те слова, использовал не то сравнение, потому что наличие денег у Рея вызывало у Коулмана раздражение, хотя он бы никогда не допустил, чтобы его дочь вышла за человека необеспеченного.

– Дело, конечно, не только в деньгах. Я стараюсь описать атмосферу. Я много раз

пытался поговорить с Пегги. Хотел съездить с ней ненадолго в Париж, снять там квартиру. Это стало бы шагом к реальности. Климат похуже, шум, люди, и... и в Париже нужно жить по календарю и по часам.

– Что за ерунду ты несешь про реальность? – спросил Коулман, пыхтя сигарой.

Глаза у него налились кровью.

Рей понял: все его усилия безнадежны, как и предупреждала Инес. И во время наступившей паузы стало заметно, что злость Коулмана снова усилилась, как это было и на Мальорке. Коулман сидел, откинувшись на спинку стула, с видом человека, который с достоинством несет бремя невозполнимой утраты. Пегги была для него смыслом жизни, единственным источником гордости, Пегги, его девочка, которую он растил сам (по крайней мере, с четырех или пяти лет), образец красоты, изящества и хорошего воспитания. Рей понимал, что сейчас все эти мысли крутятся в голове Коулмана и никакие объяснения, извинения, жертвы с его, Рея, стороны не в силах что-либо изменить. Теперь Рею стало ясно: он и на бумаге ничего не смог бы объяснить. Коулман не желал ничего слышать и видеть.

– От этих разговоров я устал до чертиков, – заявил Коулман, – так что давай заканчивать. – Он рассеянно повел глазами, словно в поисках официанта. – И пусть прошлое останется в прошлом, – пробормотал он.

Эти слова не были похожи на примирение, и Рей не воспринял их как таковое. Он надел пальто и последовал за Коулманом. Никто даже не предпринял попытки заплатить за последний бренди. Рей пошарил в левом кармане пальто, проверяя, на месте ли зажигалка. Вытащил ключ от своей комнаты в «Сегузо» (а ведь думал, что оставил его у портье), а вместе с ним и сложенный шарф. Рей засунул его назад, но Коулман насторожился:

– Это что?

Они вышли в холл.

– Ключ от моей комнаты.

– Я имею в виду шарф или платок.

Рука Рея оставалась в кармане, и он снова вытащил ее вместе с шарфом.

– Шарф.

– Это шарф Пегги. Я его возьму, если не возражаешь.

Слова Коулмана были слышны служащему за стойкой «Эксельсиора» и молодому коридорному у дверей. Коулман протянул руку, Рей помедлил мгновение – у него были все права на этот шарф, – но потом, чтобы не спорить, отдал его Коулману:

– Возьмите.

Коулман ухватил шарф за угол, и тот развернулся. Они проходили через дверь отеля, когда Коулман сказал:

– Очень похоже на Пегги. Спасибо. – Они вышли на улицу, и он добавил: – Ведь ты раздал всю ее одежду на Мальорке.

Он спрятал шарф в карман пальто.

– Не думал, что вам захотелось бы что-то взять, – ответил Рей. – Ведь вы забрали все ее работы – картины и рисунки.

Он пожалел, что в его голосе прозвучала горечь. Но шарф был своего рода обманкой, и от этого Рей почувствовал злобное удовлетворение.

Их подошвы хрустели на песчаной тропинке в том же ритме, что и три дня назад в Риме. Рей внимательно следил за Коулманом – не сделает ли тот какого-нибудь резкого движения, не вскинет ли, например, руку с пистолетом. Коулман не дал бы за его жизнь и ломаного

гроша. Теперь Рей понимал это. Тесть решил его наказать. Им попались навстречу всего два человека – двое мужчин, идущих каждый сам по себе по тропинке, пересекающей остров.

– Мне необязательно ехать с вами, – пробормотал Рей. – Наверняка будет еще вапоретто.

Коулман медленно пожал плечами. Потом сказал:

– Нет проблем. Мне в ту же сторону. Вот она. «Марианна Вторая».

Он двинулся к трем катерам у пристани, расположенной под прямым углом к тропинке, по которой шли Рей и Коулман.

На корме одного из судов Рей увидел надпись: «Марианна II». Видимо, с них сняли брезентовый верх.

Коулман огляделся. Здесь не было никого, кроме группки из трех-четырех молоденьких итальянцев, ежившихся в своих куртках близ кассовой будки вапоретто в двадцати ярдах от них. Рей понял, что она закрыта, и обвел взглядом лагуну – не идет ли вапоретто, но ни одного не увидел. Его часы показывали двадцать минут второго.

– Черт бы подрал этого Коррадо. Наверно, отправился домой, – пробормотал Коулман. – Ну и бог с ним. Нам он все равно не нужен.

Коулман остановился в конце причала и неуклюже спустился по короткой лесенке на борт, в пространство на корме.

Он собирался сесть за штурвал. Рей тут же отпрянул и попытался найти предлог, чтобы не ехать, но, осознав сложность и абсурдность ситуации, в которой ему приходится искать спасения, он весело улыбнулся, и ему стало все равно.

– Вы хотите вести катер? – спросил он у Коулмана.

– Конечно. Я весь день его водил. Коррадо появляется просто так, чтобы поприсутствовать. Живет где-то на Лидо. Но я не знаю где. – Коулман выудил из кармана ключи. – Садись.

«Я смогу дать ему отпор», – подумал Рей. Второй раз Коулман уже не застанет его врасплох. А если попытается, то он ему с удовольствием вмажет. Это по меньшей мере. А то и вырубит его. Как бы то ни было, отступить сейчас было бы вопиющей трусостью. Поводом для торжества Коулмана. Рей спустился на борт. Низкие медные перила опоясывали корму, и на катере имелась закрытая рубка.

Коулман вошел в рубку, завел мотор и осторожно сдал назад. Потом развернул судно, и они стали набирать скорость. Мотор ревел немилосердно. Рей поднял воротник пальто и застегнул верхнюю пуговицу.

– Я держу курс на канал Джудекка! Высажу тебя где-нибудь на Дзаттере! – прокричал ему Коулман.

– Скьявони меня устроит! – крикнул в ответ Рей.

Он сидел на низеньком сиденье на корме. Транспорт был быстрым, это точно, вот только холод пробирал. Рей хотел войти в рубку, чтобы укрыться от ветра, и в этот момент Коулман оторвался от штурвала и шагнул навстречу ему.

– Заблокировал руль! – объяснил Коулман, показывая большим пальцем за спину, в сторону мотора.

Рей кивнул, держась за верх двери, чтобы не потерять равновесия. Катер подпрыгивал на волнах. Тут и там торчали буи, кроме того, в любой момент могли появиться другие суда, и Рей подумал, что блокировать систему управления небезопасно. Он встревоженно посмотрел вперед, но не увидел ничего между катером и мигающими огоньками большой Венеции. Коулман наклонился и повернулся боком к Рею, чтобы прикурить погасшую сигару. Рей

снова двинулся в рубку, а Коулман пошел ему навстречу, и Рею пришлось отступить назад, но он продолжал держаться рукой за крышу рубки. И тут Коулман, зажав сигару зубами, согнулся пополам и изо всех сил ударил Рея головой в живот. Рей упал спиной на планшир, верхняя половина его тела перевесилась через борт, но правой рукой он успел зацепиться за хлипкие медные перила. Коулман ударил его кулаком в лицо и пнул ногой в грудь. Правая рука Рея неловко изогнулась, пальцы разжались, и всей своей тяжестью он рухнул за борт.

Падение спиной вперед длилось лишь мгновение, потом Рей оказался в воде и стал тонуть. Когда он с трудом вынырнул на поверхность, катер был уже далеко, звук его мотора едва проникал сквозь залитые водой уши. Туфли и пальто, промокшие насквозь, тянули Рея на дно. Холод пробирал до костей, и он уже чувствовал приближающееся онемение. Он выругал себя за глупость. «Получай, что заслужил, идиот!» Но, повинувшись животному инстинкту, старался держаться на плаву, чтобы дышать. Он попытался скинуть туфлю, однако понял, что для этого нужно погрузиться с головой, и сосредоточился на том, чтобы остаться на поверхности, увидеть катер, остановить его. Вода была невыносимо ледяной, словно само море встало на сторону Коулмана. Катеров нигде не было видно. Венеция казалась дальше, чем с борта, но Рей знал: Лидо совсем далеко. Одно его ухо – хлюп-хлюп – прочистилось, и тогда он услышал слабый звон колокола. Колокола на буе. Несколько секунд он не мог определить направление – или увидеть огни, если они были на буе, – но решил, что звук доносится слева, в противоположной стороне от Венеции, и поплыл туда. Его барахтанье лишь с трудом можно было назвать плаванием – просто судорожные рывки ног, рук и тела, да и те он делал с опаской, боясь потерять силы. Он был неплохим пловцом, всего лишь неплохим, а в ледяной воде стал пловцом никуда не годным. Ему пришла в голову суровая мысль: вероятно, это конец.

– Помогите! – закричал он. А потом по-итальянски, теряя драгоценное дыхание: – Aiuto!

Звук колокола стал громче, но силы уходили быстрее, чем приближался звон. Рей позволил себе отдохнуть, опасаясь судороги. Он чувствовал спазм в левой голени, но ногой все еще мог двигать. Потом он увидел буй, светло-серый шар, ближе, чем он смел надеяться. Света на буе не было. Ветром уносило звук прочь от него, и Рей понадеялся, что ветер гонит волну в эту сторону. Теперь Рей старался только держаться на плаву, понемногу продвигаясь вперед.

Буй торчал застывшей каплей, наполовину ушедшей под воду. На нем не было никаких поручней, а верхушка – ряд металлических стержней, ограждающих колокол, – находилась слишком высоко над водой, чтобы дотянуться. Рей прикоснулся к бую кончиками пальцев и наконец ладонью ощутил его мощное скользкое тело. У него уходило немало сил, чтобы держаться за буй, обхватив его двумя руками, но духом он воспрял. «Буй предупреждает суда, что нужно держаться подальше от него», – подумал Рей и почувствовал в этом мрачный юмор. Он попытался нашарить ногами какую-нибудь опору, но так ничего и не нащупал. Он находился в воде по шею. Когда он поднял руки, от его пальцев до металлических стержней оставалось двенадцать дюймов. Одной рукой – другая легонько упиралась в наклонную поверхность буя – он ослабил на себе галстук, снял его и постарался набросить на один из стержней. Они стояли почти вертикально, но чуть с наклоном наружу. Рей попытался сделать бросок с той стороны, где ему помогал ветер. С четвертой или пятой попытки он закинул галстук на стержень и принялся терпеливо подталкивать вверх конец, который держал в руке. Когда оба конца выровнялись, он подпрыгнул и вцепился в них. Осторожно перенес свой вес на галстук, стараясь оставаться в воде, потом попытался схватиться за

стержень и промахнулся, отпустил галстук, чтобы не порвать его, и ушел под воду. С трудом выплыл, отдохнул несколько секунд, восстановил дыхание и попробовал еще раз. Упираясь коленями в буй и понемногу подтягиваясь, он снова рванулся к стержню и на сей раз уцепился за него. Он вскарабкался на буй, а обеими руками обхватил стержень.

Сейчас все зависело от его мышечной силы: как долго он сумеет продержаться, прежде чем потеряет сознание, или замерзнет, или уснет, или с ним случится еще что-нибудь. Но теперь, по крайней мере, он выбрался из воды, и к тому же в таком положении у него увеличивались шансы увидеть приближающееся судно.

Вскоре Рей заметил одно в четверти мили от буя – вроде бы грузовую баржу с мотором на корме.

– Aiuto! – закричал он. – Soccorso!^[18] Soccorso!

Баржа не изменила курса.

Он закричал снова. Но было ясно: на судне его не слышат.

Рей почувствовал разочарование, понимая, что судьба не благоволит к человеку дважды. Им овладело странное ощущение, будто его это особо и не волнует, во всяком случае не так, как пять минут назад, когда он находился в воде. Но он понимал: угроза его жизни ничуть не уменьшилась. Идея снять пальто и привязать им себя к бую была слишком сложной в осуществлении, и Рей отказался от нее. Но движение баржи мимо него казалось вопиющим пренебрежением, бесстыдным (потому что у баржи не было ни малейшей потребности испытывать стыд) отрицанием его права на жизнь. На несколько секунд он погрузился в сонливое состояние, наклонил голову против ветра, но тем не менее еще крепче ухватился за стержень. Боль в ушах от холода стала сильнее, а позвякивание колокола – глуше.

Рей поднял голову и снова огляделся, увидел вдали слева какой-то мелькающий свет, который затем исчез. Но Рей не сводил глаз с того места, и свет появился снова.

Он собрался с силами и закричал:

– Эй, там!

Ответа не было, но не раздавался и звук мотора, что повышало шансы быть услышанным. Или это просто буй с фонарем вместо колокола? Далеко позади этого пятнышка света что-то похожее на вапоретто двигалось в направлении Лидо, но надежда докричаться до него была не больше, чем если бы оно находилось на расстоянии в миллион миль.

– Эй, там! Soccorso! – закричал Рей в сторону огонька, который – теперь это было несомненно – все же двигался.

Темный буй Рея раскачивался и звонил, отгоняя проходящие суда. Трудно было сказать, в какую сторону движется свет – к Рею или наискось от него.

– Soccorso!

Его горло саднило от холода и соленой воды.

– Ah-oo! – донесся до него голос со стороны пятнышка света. Крик гондольера. – Тут кто-то есть?

Рей не знал, как по-итальянски «буй».

– Колокол! Sulla campana! Veni, per favore!^[19]

– La campana! – раздался твердый, ободряющий отклик.

Рей понял, что спасен. Его руки внезапно совсем ослабели. Гондольер греб к нему. Это могло продолжаться еще добрых десять минут. Рей не хотел смотреть на его медленное приближение и уронил голову на грудь.

– Ah-ool! – Крик звучал почти автоматически, естественно, как кошачье мяуканье, крик совы, ржание коня.

Рей услышал всплеск, словно гондольер сделал неудачный гребок или по его веслу ударила волна.

– Qua^[20], – произнес Рей слабеющим, хриплым голосом.

– Vengo^[21], vengo, – ответил низкий голос совсем рядом.

Рей взглянул туда и увидел за носовым фонарем человека, он стоял на корме слегка покачивающейся гондолы и греб.

– Ай-ай!.. Что случилось? Выпали из лодки?

Человек говорил на диалекте, и Рей едва его понимал.

– Меня столкнули.

Именно это Рей и собирался сказать: его в шутку столкнул приятель. Но у него не было сил говорить. Неуверенной ногой он нащупал борт гондолы и отпустил стержень. Сильные руки итальянца не дали ему упасть за борт и втоптали в лодку. Рей беспомощно свернулся калачиком на дне гондолы. Ощущать ее жесткие ребра было так же приятно, как твердую землю.

Итальянец склонился над ним, помянул нескольких святых и спросил:

– Вас столкнули? Сколько же вы тут пробыли?

– Не знаю... – Зубы Рея выбивали дробь, голос срывался на фальцет. – Может быть, десять минут. Холодно.

– Ah, si! Un momento!^[22] – Итальянец проворно прошел мимо Рея, открыл шкафчик на носу гондолы и вытащил сложенное одеяло и бутылку. Потом повернулся, задев Рея по носу туфлей, и наклонился: – Вот. Глотните из бутылки. Коньяк!

Рей поднес бутылку к открытому рту, стараясь не касаться стекла зубами. Один большой глоток – и его желудок ответил рвотным спазмом. Однако алкоголь остался на месте, плохой и разведенный бренди.

– Вам лучше войти внутрь, – сказал итальянец.

Заметив, что Рей не может двигаться, он забрал у него бутылку, вставил пробку и положил на днище. Потом подхватил Рея под мышки и потащил в укрытую часть гондолы, на двухместную скамью. Рей бессильно распростерся там, чувствуя себя немного виноватым. Он вдруг понял, что его правая рука, неподвижно вытянувшаяся на коврике сиденья, совсем ничего не ощущает, словно омертвела.

– Санта-Мария, ну и друзья! Вот так шутки, да еще в такую ночь! – Итальянец снова подал Рею бутылку. Плотное одеяло он набросил на него еще раньше. – Вам куда? К Сан-Марко? У вас есть номер в отеле?

– К Сан-Марко, – ответил Рей, не способный соображать.

– Номер в отеле есть?

Рей молчал.

Итальянец, жилистый, облаченный в черное человек с маленькой квадратной головой, на мгновение замер в проеме низкой серой двери гондолы, потом вышел и направился на нос лодки. Раздался плеск воды о весло, и Рей почувствовал движение. Он отер лицо и волосы кончиком одеяла. Силы понемногу возвращались к нему, но стало холоднее. Нужно было сказать человеку, чтобы высадил его у Академии. С другой стороны, от Сан-Марко ближе и там можно найти бар, холл отеля, чтобы согреться. Путь им пересек вапоретто, он сверкал огнями и, казалось, излучал тепло, заполненный спокойными, удобно устроившимися

пассажирами.

– У вас есть номер в отеле? – еще раз спросил гондольер.

«Нужно будет дать ему огромные чаевые», – подумал Рей, и его онемевшая рука потянулась к внутреннему карману, но не смогла расстегнуть пуговицы пальто. Он пощупал карман снаружи, и, хотя полной уверенности не было, ему показалось, что бумажник все еще на месте.

– Мой отель близ Сан-Марко, – сказал Рей. – Кажется, я смогу дойти, спасибо.

Гондола с легким шелестом продвигалась вперед, преодолевая расстояние мягкими рывками. Ветер врывается внутрь кабинки, но Рей уже не чувствовал его обжигающего прикосновения. Вероятно, никто еще не совершал таких неромантических путешествий на гондоле. Он отжал подол пальто, потом манжеты на брюках. Сан-Марко вырисовывался все отчетливее. Они направлялись к Пьяццетте^[23] между Дворцом дождей и высокой башней колокольни.

– Извините, с меня столько воды натекло в гондолу, – сказал Рей.

– О, «Розита» непассажирская лодка. Во всяком случае, сейчас. Зимой она перевозит масло и овощи. Это прибыльнее, чем возить туристов, которых нет.

Рей разобрал не все слова.

– Вы... – хриплым голосом начал он, – так поздно заканчиваете работу?

В ответ раздался смех.

– Нет, начинаю. Иду на железнодорожную станцию. Немного сплю в лодке, поднимаюсь около половины шестого – шести.

Рей притопнул ногой, оценивая свои возможности. Он надеялся, что ему удастся дойти от Сан-Марко до отеля «Луна».

– Ну и шутники ваши друзья. Тоже американцы?

– Да, – ответил Рей. Земля была уже совсем близко. – Вот здесь можно причалить. Я вам очень благодарен. Вы спасли мне жизнь.

– Ну, подвернулась бы другая лодка, – сказал итальянец. – Вам нужно принять горячую ванну, выпить побольше коньяка, иначе вы...

Остального Рей не понял, но, видимо, итальянец сказал, что иначе Рею конец.

Выкрашенный золотой краской нос гондолы прошел в опасной близости от кормы большой прогулочной лодки, аккуратно проскользнул в пространство между двумя полосатыми шестами. Гондола притормозила, покачиваясь, нос тихонько коснулся пристани. Итальянец ухватился за что-то на пристани, поставил ноги пошире, развернул лодку боком, продвинул вперед, и слева от них появились ступени. Рей поднялся на дрожащих ногах, потом на четвереньках выбрался на берег, сначала поставив на каменные ступени ладони. Отличное зрелище для дождей!

Итальянец рассмеялся, озабоченный:

– Вы доберетесь? Может, вас проводить?

Рей отказался. Он встал на надежных ровных камнях, широко расставив ноги.

– Я вам бесконечно благодарен. – После отчаянной борьбы с пуговицами он вытащил из кармана бумажник, приблизительно подсчитал, что у него там шгук двадцать банкнот, и отделил половину. – Огромное спасибо. А это вам еще на одну бутылку коньяка.

– Ah, signor, é troppo!^[24]

Он взмахнул рукой, рассмеялся, но деньги взял, и его лицо, на котором проступала седая щетина, расплылось в улыбке.

– Ничуть не многовато. Спасибо вам еще раз. Addio.

– Addio, signor. – Он крепко пожал руку Рею. – Желаю вам здоровья.

Рей повернулся и пошел прочь, заметив, как двое мужчин приостановились и уставились на него. Рей даже не взглянул на них. Он шел медленно, то и дело встряхивая одежду, чтобы не прилипала к телу, и его немилосердно трясло. На Сан-Марко, похоже, все было закрыто, только в двух-трех местах горел свет, но и они уже закрылись, и там шла уборка. Рей повернул направо, в сторону «Луны». Но вдруг вспомнил, что в «Луне» холл слишком большой и открытый. На него обратят внимание, спросят, что он здесь делает. Внезапно Рей свернул в маленький кафе-бар. Он подошел к стойке, попросил капучино и коньяк. Мальчик-официант налил ему «Сток». Рей не любил «Сток», но возражать не стал. В ожидании кофе он вдруг почувствовал острый приступ ненависти к Коулману, словно смертельно опасные события последнего часа каким-то образом сдерживали его эмоции. Это ощущение продолжалось несколько секунд и сошло на нет, как и силы Рея. Парнишка за стойкой время от времени поглядывал на него пустыми глазами. Рей поднял повыше воротник пальто. Пальто было новое, влагонепроницаемое, и оно постепенно принимало пристойный вид. Но туфли и манжеты брюк выглядели ужасно. Рей решил остановиться в каком-нибудь небольшом отеле поблизости, где у него не станут требовать паспорт, который он оставил в «Сегузо». Он заказал еще капучино, еще порцию коньяка, купил сигареты и спички. Металлическая дверь бара с грохотом опустилась. В ней была дверь поменьше, чтобы он мог выйти. Из скважины торчал ключ с колечком, на котором болтались другие ключи. Рей расплатился и вышел.

Минуту спустя в узком проулке он увидел отель, какой ему требовался: на короткой резной доске высвечивалась синей лампой надпись «Альберго интернационале» или что-то в этом роде. Холл был оформлен в старовенецианском стиле. У бара слева от входа сидели и разговаривали два итальянца.

– Что вы хотите, сэр?

Облаченный в белое бармен подошел к пустующей стойке портье.

– Номер на одну ночь, – ответил Рей.

– С ванной, сэр?

– Да. Горячая вода есть?

– Да, сэр.

Через несколько минут он оказался один в маленьком номере, без багажа. Что там сказал парнишка? «Зарегистрироваться можете завтра утром. Менеджер запер стол». Он выдал Рею пустой бланк, который постояльцы должны были заполнять для полиции. В ванной комнате Рей повернул кран и улыбнулся, увидев пар, поднимающийся из ванны. Он разделся и погрузился в воду, которую предусмотрительно сделал не слишком горячей. Его стали одолевать сон или слабость, поэтому он выбрался из ванны и очень быстро вытерся маленьким полотенцем. На штанге висела в сложенном виде громадная простыня, но Рей не нашел в себе сил возиться с ней. Потом он аккуратно повесил свою одежду, делая это медленно, потому что совершенно изнемог, и голым забрался под одеяло. Горло у него уже побаливало, и он не знал, что его ждет.

Утром он сел, протер глаза и вспомнил, где находится. Оказывается, он спал с включенным светом. Рей погасил его. Горло у него горело огнем, голова была легкой и пустой, словно с ним случился обморок. Рей был напуган, и не только тем, что у него, возможно, пневмония. Страх был безымянный, неопределенный и сочетался со стыдом.

Брюки еще не высохли. Рей посмотрел на часы (они тикали, потому что он купил водонепроницаемые): девять двадцать. В голове у него постепенно выстроился маленький план, такой маленький, что он почувствовал себя идиотом, находя в этом удовольствие: заказать завтрак, отдать костюм в глажку, попытаться поспать еще. Он надел пальто – влажность в нем сохранилась лишь в подкладке, да и то незначительная, – снял телефонную трубку и сделал заказ. Потом обнаружил какой-то комок справа и вспомнил, что у него там в застегнутом кармане лежат дорожные чеки. Рей вытащил их. Хорошо, что в Пальме он сунул их в карман и не доставал оттуда. Чеки на две тысячи сто долларовыми купюрами. В пансионе была еще книжка дорожных чеков на меньшую сумму, она осталась со времен их с Пегги жизни в Шануансе, всего несколько сотен, если он не ошибался. Рей разглядел чековую книжку. Чеки были подписаны его авторучкой, заряженной тушью, и подписи не размылись. Но страницы слиплись. Он положил чековую книжку на четырехсекционный радиатор отопления.

Принесли завтрак, и Рей вручил девушке свой влажный костюм и рубашку. Она удивленно посмотрела на него, но ничего не сказала.

После завтрака он заполнил бланк – написал вымышленные имя и номер паспорта, потому что по непонятной причине стыдился открыть правду.

Его разбудили в одиннадцать – принесли костюм. Рей повесил его в стенной шкаф и снова улегся в постель, собираясь проснуться в час, покинуть отель и хорошо поесть где-нибудь. Он проснулся в четверть первого и оделся. Галстука у него не было, и не помещало бы побриться, но это были самые малые из его проблем. Рей подошел к окну, из которого были видны черепичные крыши, кроны нескольких деревьев и виноград в частных садах; такой же вид открывался из окон Флоренции и многих других итальянских городов, и Рей опять почувствовал непонятный, парализующий страх, ощущение беспомощности и поражения. «Ты мог уже умереть. Почему ты еще жив?» Рея передернуло. Он почти слышал этот голос. И вероятно, Коулман опять считал его мертвым. И Коулману опять было наплевать, его ничуть не интересовало, жив Рей или мертв. «Потому что ты просто не имеешь никакого значения». Рей заставил себя думать о том, что ему делать дальше. Сначала оплатить счет здесь. В «Сегузо» он не хотел возвращаться. Это ясно. Нужно несколько дней изображать мертвеца. Посмотреть, что будет делать Коулман. Эта мысль принесла ему странное облегчение. Некое подобие плана готово.

У портье он попросил счет. Номер восемьдесят четыре. Имя Томпсон. Рей протянул карточку. Заплатил четыре тысячи шестьсот шестьдесят лир. Паспорта у него не потребовали. Рей вышел из отеля и сразу же понял, что не хочет встречаться с Коулманом. И с Инес, и с Антонио. Он пожалел, что не посмотрел через стеклянную дверь, прежде чем выйти, и теперь шел скованно и так часто поглядывал на прохожих, что привлек к себе внимание некоторых из них, так что пришлось взять себя в руки. Магазины уже закрывались на долгий дневной перерыв. Рей зашел в один из еще открытых и купил светло-голубую рубашку и галстук в красно-синюю полоску. В магазине была примерочная, и он облачился в новую рубашку и галстук.

Рей с опаской вышел на улицу, где находился отель «Бауэр-Грюнвальд», и повернул налево, в сторону от отеля. Ни Коулмена, ни Инес, только поток прохожих, не обращавших на него никакого внимания. Рей зашел в трактир под названием «Читта ди Витторио» – заведение, слишком скромное для Инес и Коулмана, но все же, открыв дверь, он огляделся. Купил газету. Ел он медленно, пытался съесть все, что заказал, но ему это не удалось. Щеки у

него горели, а лицо было розовым еще в зеркале магазина. К несчастью, болезнь его одолевала. Забавно было думать, что, возможно, теперь он получит нечто такое, что приведет к фатальному результату, – этаким контрольный выстрел от Коулмана. Может, стоит сходить к доктору, сделать укол пенициллина? «Ночью я упал в канал и...»

К доктору Рей пошел около четырех часов, в старое пыльное здание на Калле-Фиубера, за часовой башней. Доктор измерил у него температуру, сказал, что у него жар, инъекцию пенициллина делать не стал, но дал пакетик больших белых таблеток и велел идти домой и лечь в постель.

День стоял холодный и серый, но дождя не было. Рей пошел в портновскую мастерскую и забрал пальто, которое отдавал в починку. Это была странная акция, словно одна жизнь перешла в другую, а пальто стало мостиком между двумя существованиями. Но отверстия от пули Коулмана исчезли, стерлись, пальто стало как новое, и Рей надел его. Хорошее пальто из Парижа, на шелковой подкладке. Он зашел в бар выпить кофе и выкурить сигарету. Нужно было подумать, что делать дальше, – приближался вечер. Рей принял две большие таблетки, запив их водой из стакана и запрокинув голову. Он вспомнил, как заболел однажды в Париже, еще ребенком, ему тогда дали большую таблетку, и он спросил у доктора по-французски: «Почему она такая большая?» – «Чтобы медсестра не уронила», – ответил доктор, словно это было очевидно, и Рей по сей день помнил то потрясение и ощущение несправедливости, которое он испытал: почему о пальцах медсестры заботятся больше, чем о его горле. Доктор в Венеции велел ему принимать по шесть штук в день. После восхитительного, воодушевляющего кофе Рей чувствовал, что полон идей, и все казалось ему возможным. Можно завязать знакомство с какой-нибудь девушкой, рассказать ей интересную историю, она пригласит его к себе домой и позволит остаться, особенно если он даст ей денег. Или можно найти каких-нибудь американцев и рассказать им, что он прячется от девушки, итальянки, которая обзванивает все венецианские отели в поисках его. Но он понимал, что будет нелегко найти американцев, которые а) имеют квартиру в Венеции и б) ведут настолько богемный образ жизни, что готовы пустить к себе незнакомого человека. Рей снова погрузился в размышления, постарался рассуждать логичнее. И на третий раз ему на ум пришла девушка с нежным персиковым лицом из кафе-бара к северу от Сан-Марко. Хорошая девушка, это видно с первого взгляда. Придется рассказать ей убедительную историю. Лучше всего держаться ближе к правде, по крайней мере, так ему всегда говорили. Он задаст ей абсолютно пристойный вопрос: не знает ли она какое-нибудь место, какую-нибудь семью или человека, которые смогли бы принять его на несколько дней, если он заплатит? В частных домах не станут спрашивать у него паспорт, потому что не сообщают о доходах от постояльцев.

Рей вышел из бара и отправился на поиски парикмахерской. В парикмахерской, где десятилетний парнишка валялся на скамье с транзистором, слушая довольно неплохой американский джаз в старом стиле, Рей попросил оставить ему усы и короткую бородку. Он не пытался изменить внешность, и борода ничуть этому не способствовала. Просто он хотел перемен. На Мальорке он несколько месяцев носил такую бороду. Пегги поначалу нравилось, потом разонравилось, и Рей сбрил ее. Зеркало в парикмахерской было длинное и чистое, на полстены. Рей глядел на себя над двумя рядами бутылок с укрепляющими средствами для волос и лосьонами, глаза его горели – видимо, жар достиг пика, – но смотрели уверенно.

У него были густые темные брови, широкий прямой рот, губы скорее полные, чем тонкие. Крупный прямой нос, более тяжелая версия материнского, правда у матери нос был

последним штрихом, делающим ее красавицей. Рыжевато-каштановые волосы он унаследовал не от родителей, волосы такого цвета были у брата матери – Рейбурна, в честь которого он и был назван. Когда Рей получал письма, адресованные Реймонду Гаррету, это означало, что отправитель плохо его знает. От отца, в молодости рабочего-нефтяника, который сделал состояние и теперь владел собственной нефтяной компанией, Рею достались широкие скулы. Лицо было американское, довольно привлекательное, безнадежно испорченное неопределенностью, рассудительностью, склонностью к перемене решений, а то и вообще неспособностью принимать таковые. Рею не нравилась собственная внешность, он всегда слегка наклонялся вперед, словно прислушивался к тихо говорящему человеку или заранее раболепно сгибался, готовый сдать свои позиции. Он понимал, что жизнь давалась ему слишком легко из-за родительских денег. Все еще считалось, что брать деньги у родителей не по-американски. Встречаясь с друзьями, многие из которых были художниками без особых средств к существованию, Рей с радостью оплачивал бы все счета, но это тоже запрещалось: его сочли бы позером. Рея постоянно мучило ощущение, будто он плетется где-то по обочине жизни, потому что ему не нужно было работать. И когда ему приходилось расплачиваться по счетам вместе с друзьями, они чересчур скрупулезно высчитывали долю каждого, кроме тех случаев, когда он, выпив пару порций, решал, что может поступить так, как ему хочется, то есть сказать: «Сегодня плачу я».

Сидя в кресле парикмахерской, Рей вспомнил один случай из детства, выделявшийся своей нелепостью и возникавший перед его мысленным взором по меньшей мере два раза в год. Когда ему было девять или десять, он побывал в гостях у одного из школьных приятелей, жившего в многоквартирном доме. Он узнал, что квартира не принадлежит родителям друга, что они только арендуют ее и до них здесь жили чужие люди. А потом это жилье займут другие. Вечером он заговорил об этом с отцом: «Наш дом всегда принадлежал нам, правда?» – «Конечно. Я сам его построил», – ответил отец. (Рей подумал тогда, что его отец построил дом своими руками еще до рождения Рея, потому что отец мог все.) Рей почувствовал себя исключительным, особенным, но ему вовсе не хотелось быть таким. Ему хотелось жить в доме или в квартире, где до них жил кто-то другой. Рею казалось, что со стороны его родных просто некрасиво наслаждаться жизнью в доме, который они сами построили и которым владели. Квартира его школьного приятеля ни в коем случае не выглядела бедной, скорее даже роскошной. Но годы спустя, и даже вплоть до настоящего времени, при виде ряда особняков в Нью-Йорке или обычных фасадов домов здесь, в Венеции, он вспоминал то происшествие, и к нему возвращалось прежнее тревожное ощущение: другие люди жили, будто наслаиваясь друг на друга во времени и истории; у его же семьи был всего лишь тонкий, пусть и богато обустроенный участок земной поверхности. И поэтому Рею казалось, что ему не на что опереться.

В двадцать лет, будучи студентом Принстона, Рей обручился с девушкой из Сент-Луиса, которую знал с восемнадцати лет. Он думал, что влюблен в нее, но не очень понимал, каким образом все это произошло. Нет, он, конечно, сделал предложение, но по инициативе девушки, а оба семейства оказали определенное давление, просто одобрив их отношения. Год спустя, перед выпуском, Рей понял, что вовсе не любит ее, и ему пришлось разорвать их связь. Это сопровождалось душевными страданиями. Рей с трудом сдал экзамены. Он чувствовал себя последним мерзавцем, считая, что разрушил мир своей подруги, и одно из самых счастливых мгновений в его жизни случилось по окончании университета, когда он узнал, что девушка вышла замуж. Он понял, что она ничуть не страдала. Его родители, по-

видимому, понятия не имели о его переживаниях последнего университетского года, хотя и очень интересовались отметками, хотели знать, с кем он водит знакомство, счастлив ли он, доволен ли жизнью.

Он слушал (с бóльшим удовольствием, чем обычно слушал джаз, от которого на Мальорке чуть не спятил) свободную и легкую музыку, льющуюся из приемника мальчика, которую, казалось, вовсе не слышали ни парикмахер, подстригавший его волосы, ни два других мастера и их клиенты, и Рей чувствовал, что способен достичь всего, чего бы он ни захотел в этом мире. Теоретически такое было возможно и правильно. Но в то же время он ощущал, что ему не хватает решимости, чтобы воплотить все это в жизнь, и что сама эта мысль пришла ему в голову благодаря джазу и высокой температуре. Он был человеком робким в отличие от своего отца, чье слово было законом; его отец одним рубящим ударом делал то, что хочет, или то, что считал нужным. Рей ненавидел собственное самоуничижение, которое иногда заставляло его заискивать перед незнакомыми людьми. Он с пренебрежением относился к своим деньгам, но всегда находились места, где от них легко было избавиться, и Рей использовал эти возможности: поддерживал двух-трех художников в Нью-Йорке, помогал анонимными дарами (небольшими в сравнении с подарками миллионеров, но он еще не владел состоянием отца) разорившимся церквям в Англии, комитетам помощи итальянским и австрийским деревням, попавшим под сели, нескольким организациям, занимающимся улучшением расовых отношений. Денег у Рея могло быть даже больше. Он дал распоряжение банкирам своего трастового фонда отчислять ему сумму, которая представлялась ему адекватной, но, поскольку он не тратил всех получаемых денег, они накапливались, прирастая ежедневно, невзирая на налоговые вычеты и его периодические просьбы выслать то пять тысяч долларов на покупку машины, то десять тысяч на катер, который они с Пегги приобрели на Мальорке.

[Купить полную версию книги](#)

notes

Что случилось? (*ит.*)

Все в порядке (*ит.*).

«Дьюарс» – марка виски.

Vaporetto – маршрутный водный трамвайчик, основной вид общественного транспорта в Венеции.

Знаменитый бар «У Гарри» обязан своим названием молодому богатому американцу Гарри Пикерингу, который часто посещал бар гостиницы «Европа» в Венеции.

Джон Рёскин (1819–1900) – английский писатель и художник, оказавший большое влияние на развитие эстетики 2-й половины XIX века.

«Берлиц» – международная корпорация, лидер в области предоставления услуг по обучению иностранным языкам.

Очень приятно (*фр.*).

Очень рад (*ит.*).

Имеется в виду лестница в так называемой библиотеке Лауренциана, построенной по чертежам Микеланджело. Знаменитая лестница в библиотеке признана шедевром архитектуры.

Ка' Реццонико – дворец в Венеции, в районе Дорсодуро. С 1936 года во дворце находится музей Венеции XVIII века.

«Флориан» – знаменитое кафе на площади Сан-Марко, один из символов Венеции.

Официант! Счет, пожалуйста! *(ит.)*

Эррол Лесли Томсон Флинн (1909–1959) – актер австралийского происхождения, звезда Голливуда 1930–1940-х годов.

Ка-д'Оро, или палаццо Санта-София, – дворец в Венеции на Гранд-канале.

Эдит Луиза Ситвелл (1887–1964) – английская поэтесса, прозаик, литературный критик.

Хаим Сутин (1893–1943) – русский художник еврейского происхождения, один из столпов экспрессионизма.

Помогите! Спасите! (*ит.*)

Направление на колокол. Помогите, пожалуйста! (*ит.*)

Сюда (*ит.*).

Здесь: Уже близко (ит.).

Ах да! Один момент! (*ит.*)

Пьяцетта (маленькая площадь) – продолжение площади Сан-Марко.

Многогато, синьор (*ит.*).